Записки В. Н. Виноградскаго.

Родился я въ Иркутскѣ 14 Іюля 1843 года. Отецъ мой Николай Ильичъ Виноградскій, а мать Агнія Васильевна, урожденная Павлинова. Отецъ, будучи чиновникомъ и получивши образованіе только въ Иркутской гимназіи, былъ очень образованнымъ и любознательнымъ человѣкомъ. Въ сохраняющейся у меня тетради его „Воспоминаній“, въ его „сборникѣ стихотвореній“ и въ его „дневникахъ“ найдется немало матеріала, могущаго послужить для исторіи мѣстнаго края, для характеристики дѣйствующихъ тогда лицъ и показать, какое вліяніе имѣла литература на кружокъ развитыхъ людей, заброшенныхъ въ отдаленный Иркутскъ. Тетрадь рукописнаго журнала „Домашній собесѣдникъ“ служитъ примѣромъ, какъ пріятно могли проводить время, съ какимъ увлеченіемъ слѣдили за развивающейся литературой Пушкинскаго періода. Отецъ прекрасно читалъ, и я помню, какъ увлекались собирающіеся къ намъ гости, когда отецъ читалъ Щедрина или Успенскаго.

Теперь, спустя лѣтъ пятьдесятъ, я уже не встрѣчаю такихъ увлекающихся литературой людей, а вижу только собирающихся поиграть въ карты или посудить о недостаткахъ ближняго. Я помню, какъ собирались знакомые въ нашемъ небольшомъ домѣ или въ домѣ дяди Иннокентія Ильича, какъ весело танцовали или играли въ фанты, какъ пѣли русскія пѣсни, какъ читали или разговаривали.

Матери я не помню, она умерла когда мнѣ было года $1^1/_2$, старшій братъ Николай, я и сестра Людмила остались на попеченіи бабушки, матери отца, Марьи Ливерьевны.

Старшій братъ Николай Николаевичъ былъ ея любимцемъ и все время жилъ у нея, даже тогда, когда отецъ, женившись во второй разъ на Анисьѣ Александровнѣ Заборовской, зажилъ опять семейной жизнью. Братъ оставался у бабушки и послѣ отъѣзда отца въ Томскъ.

Бабушка была замѣчательно трудолюбивая старушка. Оставшись въ очень молодыхъ годахъ вдовой съ 3 маленькими дѣтьми, она сумѣла воспитать ихъ трудами своихъ рукъ, занимаясь шитьемъ. Шить она была мастерица и до глубокой, старости занималась работой, часть ея обыкновенно продавала, чтобы имѣть возможность дать въ церкви свою трудовую копеечку. Вязала она чисто механически и во время вязанья любила читать. Послѣ смерти отца, когда я снова переѣхалъ изъ Томска въ Иркутскъ и жилъ у дяди, мнѣ приходилось постоянно быть съ бабушкой, и сколько прекрасныхъ разсказовъ ея помню до сихъ поръ, воспоминанія ея о трудовой ея жизни въ молодости крѣпко врѣзались въ мою память.

Въ своей старости, окруженная уваженіемъ и любовью своихъ дѣтей и внучатъ, бабушка могла спокойно сказать, что жизнь ея была прожита на пользу родныхъ.

Отъ брака отца съ Агніей Васильевной Павлиновой родились старшій мой братъ Николай, я и младшая моя сестра Людмила. По смерти матери, отецъ женился на Анисьѣ Заборовской, отъ которой были дѣти: Александръ, умершій младенцемъ, Иннокентій и дочь Александра.

Первоначальное дѣтство я провелъ въ Иркутскѣ и, говорятъ, былъ очень слабымъ ребенкомъ, мать чрезвычайно любила меня и, ухаживая за мной, сильно повредила свое здоровье. Знаю, что въ дѣтствѣ со мной была какая-то болѣзнь, отразившаяся на рукѣ, гдѣ въ локтѣ образовался нарывъ и попортилъ связки, такъ что рука сдѣлалась кривая и не могла поворачиваться ладонью вверхъ. Это осталось на всю жизнь, хотя я не ощущалъ въ рукѣ никакой боли.

Нѣсколько подросши, я сдѣлался очень бойкимъ ребенкомъ, былъ большой мастеръ бѣгать и устраивать змѣйки. Это было мое любимое занятіе. Когда я началъ учиться, не помню, знаю только, что еще въ самомъ дѣтствѣ я зналъ массу стиховъ Пушкина, любимаго писателя отца. Еще до поступленія въ гимназію я зналъ наизусть почти всего Евгенія Онѣгина, Полтаву, Графа Нулина, сказки; множество стиховъ Лермонтова и Кольцова. Зналъ большинство

басенъ Крылова и въ особенности Конька-Горбунка—Ершова. Многіе стихи отца также хорошо запомнилъ. Нужно думать, что память у меня была хорошая. Я помню, какъ еще въ студенчествѣ я брался на пари выучивать страницу стиховъ прочитавъ ихъ 5 разъ. Куда дѣвалась теперь эта память? Замѣчательно, что выученное въ дѣтствѣ я и до старости помню довольно хорошо, а между тѣмъ выученное въ болѣе позднее время—почти все улетучилось.

Систематическаго домашняго воспитанія я не получилъ, такъ какъ отецъ, занятый службой, не могъ удѣлять время на насъ, и мы, предоставленные самимъ себѣ, бѣгали и играли безъ всякаго призора. Братъ Николай былъ вообще слабѣе меня физически, но болѣе скромный и тихій, онъ чаще проводилъ время съ бабушкой и занимался основательнѣе. Его мало интересовало, какъ устроить какую-нибудь игрушку, какъ запустить повыше змѣя, какъ пустить въ лужѣ корабликъ.

Меня отдали въ гимназію очень рано, едва ли не 7 лѣтъ. Въ Иркутской гимназіи директоромъ былъ Константинъ Петровичъ Бабановскій, человѣкъ очень большого роста, красивый и до чрезвычайности толстый. Его ужасно боялись, и когда онъ появлялся въ коридорѣ, то все трепетало. Бабановскій былъ очень хорошій человѣкъ и велъ гимназію прекрасно. По обычаю тогдашняго времени воспитанниковъ сѣкли порядочно, но такая мѣра взысканій нисколько не поднимала успѣховъ слабыхъ или лѣнивыхъ учениковъ, шалуны также мало смущались поркой и даже считалось, что кричать подъ розгами не слѣдуетъ и крикъ выражалъ малодушество. Были просто артисты—выдерживающіе 30—40 ударовъ безъ всякаго крика. Періодическое сѣченіе повторялось обыкновенно по субботамъ. Въ классъ являлся надзиратель Н. В. Новоселовъ и по журналу вызывалъ всѣхъ получившихъ въ эту недѣлю единицы и двойки. Такая группа учениковъ обыкновенно отводилась въ пансіонную спальню, и въ присутствіи директора или инспектора производилась торжественная порка. За каждую единицу давалось 10 ударовъ, а за двойку 2. Все это исполнялось очень точно, такъ что заранѣе ученики знали сколько кому достанется. Впечатлѣнія особаго порка не производила.

Уже тогда начиналось новое вѣяніе, и молодые учителя сильно возставали противъ розогъ. Учитель математи Геснъ, преподаватель естественной исторіи Маакъ и другіе были

противниками принятаго порядка и не дозволяли Новоселову уводить воспитанниковъ съ ихъ уроковъ на экзекуцію. Конечно эти учителя пользовались особымъ расположеніемъ всѣхъ учениковъ. Директора ученики уважали и какъ то не ставили ему въ вину его строгое исполненіе распоряженія начальства относительно порки, но инспектора Сементовскаго ученики не любили ужасно и дѣйствительно, это былъ какой-то сухой человѣкъ—кажется совершенно безсердечный. До сихъ поръ у меня въ памяти такой случай изъ дѣтской гимназической жизни. Когда я былъ въ 1-мъ классѣ, то однажды разнесли слухъ, что пріѣдетъ губернаторъ и, по жалобѣ Сементовскаго (директора почему, то не было), будетъ наказывать воспитанника пансіона—Лукьянчикова. Мы слышали какъ начали собирать въ залъ гимназіи всѣхъ учениковъ, но по счастію у насъ былъ урокъ Геска и когда надзиратель пришелъ за нами, то Гескъ поблѣднѣлъ и сказалъ, что не пуститъ учениковъ изъ класса. Нашъ классъ находился рядомъ съ залой и мы слышали какъ начали пороть несчастнаго Лукьянчикова, слышали какъ онъ отчаянно кричалъ, какъ крики становились все тише и тише и наконецъ замолкли, послѣ мы узнали что Лукьянчикова унесли въ больницу безъ сознанія. Не помню сколько времени спустя послѣ порки Лукьянчикова, наказаннаго за своевольный уходъ изъ пансіона, подобный же случай ухода произошелъ вновь и когда инспекторъ пригрозилъ сообщить объ этомъ губернатору, то виновный,—пансіонеръ Кривошапкинъ, убѣжалъ изъ пансіона и со страха застрѣлился. Это сильно подѣйствовало на начальство гимназіи и почти вывело изъ употребленія розги.

Изъ преподавателей того времени въ памяти у меня сохранились немногіе. Учителемъ естественной исторіи былъ молодой Маакъ (впослѣдствіи главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири), преподавалъ онъ прекрасно и мы, мальчики 2-го класса, съ величайшимъ удовольствіемъ учились зоологіи. По указанію Маака мы дѣлали безъ учебника описаніе приносимыхъ имъ костей череповъ и тому подобное. Почти каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать часть скелета, то есть кто приготовитъ ногу, кто черепъ какого-либо домашняго животнаго, больше всего, конечно, появлялись скелеты пѣтуховъ, поросятъ и кошекъ Маакъ былъ прекрасный педагогъ. Говорятъ, что впослѣдствіи, сдѣлавшись главнымъ инспекторомъ онъ сдѣлался

и большимъ чиновникомъ, даже нажилъ деньги и будто бы не совсѣмъ честнымъ путемъ.

Учителемъ географіи былъ Паргачевскій, впослѣдствіи занявшійся торговыми дѣлами на Амурѣ. Паргачевскій любилъ задавать ученикамъ вопросы, какъ проѣхать изъ одного мѣста въ другое, причемъ ученикъ долженъ былъ перечислять всѣ промежуточныя мѣста. Помню, что сначала дѣлалось это по картѣ, а потомъ на память. Множество географическихъ названій заучивалось довольно твердо.

Учителемъ чистописанія былъ Николай Васильевичъ Новоселовъ, онъ же и надзирателемъ, онъ же и письмоводитель канцеляріи, самъ онъ писалъ очень красиво, но по-старинному училъ насъ писать съ прописей и, конечно, гусинымъ перомъ. Употребленіе стальныхъ перьевъ, тогда только появившихся, было строго запрещено и если кто-либо контрабандой приносилъ стальное перо въ классъ, а тѣмъ паче писалъ имъ, то такого не только оставляли безъ обѣда, но угрожали поркой. Необходимо было научиться самому очинить гусиное перо и отъ этого искусства много зависила отмѣтка по чистописанію. Время на очинку перьевъ тратилось масса. Иногда рѣжешь, рѣжешь перо, а оно все либо мажетъ, либо задѣваетъ за бумагу и брызжетъ чернилами, тутъ какъ разъ получишь единицу или двойку и слѣдовательно субботнюю порку.

Зданіе Иркутской гимназіи одно изъ лучшихъ въ городѣ, въ нижнемъ этажѣ помѣщался пансіонъ, были квартиры директора, инспектора и пр., а въ верхнемъ классы и громаднѣйшее зало, входъ въ которое былъ всегда запертъ и я только впослѣдствіи видѣлъ его. Противъ гимназіи былъ домъ Главнаго управленія Восточной Сибири—очень невзрачный деревянный—одноэтажный и на видъ очень грязный. Наискось гимназіи находилось училище канцелярскихъ служителей съ маленькимъ флигелемъ, выходящимъ на поперечную улицу. Этотъ флигелекъ мнѣ очень памятенъ, такъ какъ приходилось ходить мимо него ежедневно и почти всегда кланяться знакомому смотрителю училища Петру Ивановичу Шляпникову. Судьба этого Шляпникова, всегда удивляла меня. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ, прекрасно зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и былъ секретаремъ консульства въ Ургѣ. Поступивъ на службу по министерству

иностранныхъ дѣлъ, онъ могъ бы, кажется, проложить себѣ дорогу, но вышло не такъ. Ему не понравилось почти полное отсутствіе дѣлъ въ консульствѣ, и онъ перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и былъ назначенъ, благодаря знанію языковъ, столоначальникомъ политическаго стола и долженъ былъ просматривать всю переписку политическихъ преступниковъ-декабристовъ, изъ которыхъ многіе жили въ Иркутскѣ. Ему невольно пришлось имѣть дѣло съ такими тузами какъ Волконскіе и Трубецкой.

Черезъ его руки шли всѣ письма какъ отъ нихъ, такъ и къ нимъ. Говорятъ, что безъ всякаго послабленія, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Волконскими, а черезъ нихъ могъ имѣть громадную протекцію въ Питерѣ. Тѣмъ болѣе что тогда декабристы уже не содержались въ прежней строгости. Однако, Шляпникову не понравилась такая, по его словамъ, шпіонническая должность, и онъ вышелъ въ отставку, а затѣмъ попалъ смотрителемъ канцелярскаго училища. Послѣ закрытія этихъ училищъ, Шляпниковъ уѣхалъ въ Казань и попалъ куда-то въ уѣздъ въ становые начальнъ покучивать, лишился и этого мѣста, сильно бѣдствовалъ вмѣстѣ съ женой и нѣсколькими дочерьми и когда уже я служилъ въ Казанскомъ университетѣ, то чрезъ проф. Ѳирсова удалось пристроить дряхлаго Шляпникова въ библіотекари профессорской комнаты, гдѣ главное его дѣло было прибирать на столѣ разбросанныя газеты. Мизерное жалованье кое какъ спасло старика отъ голодной смерти. Впослѣдствіи онъ, кажется, перешелъ на болѣе спокойное мѣсто архиваріуса университета и умеръ въ крайней бѣдности. Такова судьба этого образованнаго человѣка. Я всегда смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Шляпниковъ былъ хорошимъ знакомымъ моего отца и дяди Иннокентія Ильича и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Изъ лицъ, посѣщающихъ отца, мнѣ хорошо помнится бурятъ Доржи-Банзаровичъ Банзаровъ, также получившій хорошее образованіе, сначала въ Казанской 1-й гимназіи, гдѣ его фамилія записана на мраморную доску, а затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ. Банзаровъ былъ, кажется, чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и извѣстно, что онъ очень помогалъ преосвященному Нилу въ его переводахъ священныхъ книгъ на монгольскій языкъ и въ составленіи имъ книги „о буддизмѣ“. Банзаровъ былъ ламаитъ и несмотря на всѣ убѣжденія не принялъ христіанства. Про него разсказывали, что когда, однажды, онъ былъ

посланъ къ бурятамъ для производства какого то слѣдствія, то онъ остался въ улусѣ, поселился въ кибиткѣ и не хотѣлъ возвращаться въ Иркутскъ, такъ что его едва ли не силой выручили изъ втянувшей его родной среды. Онъ умеръ довольно молодымъ и его похороны по ламайскому обряду долго были предметомъ разговоровъ въ Иркутскѣ.

При мнѣ въ гимназіи училось нѣсколько бурятъ, однако большая часть изъ нихъ, если и доходила до университета, то почти всегда рисковала здоровьемъ и по совѣту врачей возвращалась въ родныя мѣста.

Здѣсь мнѣ припоминается распоряженіе начальства, существовавшее до 60-хъ годовъ, посылать учениковъ якутовъ Якутскаго уѣзднаго училища въ Казань для обученія въ земледѣльческой фермѣ. Не знаю, какъ бы эти агрономы примѣняли свои знанія при Якутскомъ климатѣ, гдѣ и ячмень не всегда созрѣваетъ, но я слышалъ отъ завѣдывающаго Казанской фермой, что присланые якуты большею частію умирали отъ непривычнаго казанскаго климата или должны были возвращаться на родину, получивъ большею частью чахотку. Странное распоряженіе начальства.

Вслѣдствіе непріятностей по службѣ отецъ перешелъ въ *Томскъ*, куда перевели и меня въ гимназію. Служебное положеніе отца въ Томскѣ было очень хорошее. Онъ состоялъ совѣтникомъ акцизнаго или питейнаго отдѣленія казенной палаты и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ между своими сотоварищами по службѣ, такъ и въ обществѣ. Жизнь отца сложилась такъ, что онъ былъ постоянно занятъ: утро на службѣ, вечеръ дома за бумагами или любимой его работой—чтеніемъ и письмомъ.

Въ Томскѣ отецъ началъ писать „воспоминанія“ о своей жизни, и въ этой большой тетради, особенно въ началѣ существуетъ масса разнообразныхъ свѣдѣній, какъ о личностяхъ, такъ и о событіяхъ того времени. Много есть также историческихъ данныхъ. Какъ большой любитель литературы, отецъ собиралъ автографы своихъ любимыхъ писателей и еще въ молодыхъ лѣтахъ во время своей *поѣздки въ Петербургъ* познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литературными знаменитостями. Онъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминалъ время своей поѣздки и тотъ *вечеръ*, который былъ устроенъ для него, кажется, у *Одоевскаго*, гдѣ петербургскія знаменитости почтили его какъ молодого провинціальнаго писателя. Памятникомъ

этого вечера сохранился у отца листъ бумаги, на которомъ присутствующіе написали на память Сибиряку по нѣсколько строкъ; тутъ есть и строки Карамзина и Полевого и много другихъ.

Несмотря на массу служебныхъ занятій и плохое здоровье, отецъ и въ Томскѣ пописывалъ статьи для Губернскихъ вѣдомостей и сочинялъ стихи, между которыми многіе можно назвать хорошими.

Будучи религіознымъ человѣкомъ, отецъ любилъ религіозное чтеніе и между его стихами есть нѣсколько хорошихъ, прочувственныхъ образцовъ духовнаго содержанія. Не знаю къ какому времени относится составленіе имъ „жизни и чудесъ свят. Иннокентія, нашего Иркутскаго Чудотворца".

Всѣ рукописи отца послѣ его смерти были отправлены къ моему старшему брату Николаю Николаевичу, но затѣмъ перешли ко мнѣ и хранятся у меня. Слѣдовало бы заняться разборомъ ихъ и составленіемъ сборника, имѣющаго можетъ быть общественное значеніе какъ запись свидѣтеля провинціальной жизни Сибири въ 30—50 годахъ. Въ Томскѣ отецъ писалъ подъ псевдонимомъ *„за Ангарскій Сибирякъ"*.

Въ Томскъ отецъ переѣхалъ вмѣстѣ съ мачихой и сестрой Люмашей, а вскорѣ туда же перевезли и меня. Въ Томскѣ родился братъ Кеша и сестра Саша. Прибыль семьи, общественная жизнь и занятія по службѣ отнимали у отца время для наблюденія за нашимъ ученьемъ и я съ сестрой Люмой былъ предоставленъ надзору няни — привезенной отцомъ изъ Иркутска. Средства отца были достаточны только для поддержки общественнаго положенія и не могли дать намъ порядочнаго наставника, притомъ и мачиха, вообще очень хорошая хозяйка, по своему невысокому развитію, не понимала настоятельной потребности въ хорошемъ обученіи и развитіи дѣтей. По правдѣ сказать, наше счастье, что она мало обращала вниманія на насъ. Ея взглядъ на цѣль воспитанія сильно отозвался на Сашѣ, для которой мать требовала только знаніе французскаго языка и танцевъ, все же остальное не признавала за нужное и даже никакъ не согласилась отдать ее въ гимназію, а отдала въ пансіонъ и воспитала барышню, которой очень трудно пришлось жить на свѣтѣ.

Меня помѣстили въ *Томскую Гимназію* въ 1-й классъ. Гимназія находилась кажется въ плохомъ положеніи, директоромъ былъ старичекъ Мещериновъ, учителя въ млад-

шихъ классахъ были плохи, и у меня осталось только воспоминаніе объ *учителѣ рисованія Кокшаровѣ*. — Это былъ дѣйствительно хорошій учитель. Никакихъ пособій по рисованію въ гимназіи не было, однако Кошкаревъ съумѣлъ заставить ребятишекъ полюбить этотъ предметъ. Преподаваніе онъ начиналъ прямо съ натуры, указывалъ на вліяніе перспективы, и ребята сразу рисовали съ большимъ увлеченіемъ.

Построивши на столѣ что-нибудь изъ книгъ, положивъ на верхъ перо или что попадетъ подъ руку, онъ требовалъ нарисовать это въ одинъ урокъ и, постоянно слѣдя за учениками, поправляя и указывая имъ на особенности перспективныхъ линій, добивался прекрасныхъ результатовъ. Мы рисовали не чисто, но ясно представляли рисунокъ. Рисовали мы и классныя окна и двери, рисовали стулъ, поставленный на столъ, наконецъ, рисовали задачи наизусть, или фантазіи: шкафъ съ открытой дверцей, бутылка, покрытая стаканомъ и пр. и пр.

Жаль, что Кокшаровъ скоро выбылъ изъ гимназіи, и мы остались только съ тѣмъ, что онъ намъ далъ. Мы плохо усвоили отдѣлку рисунка, но зато хорошо понимали нарисованное.

Въ общемъ учились очень плохо. Порки были въ ходу и въ Томской гимназіи, но только въ младшихъ классахъ и не еженедѣльно, а разъ въ мѣсяцъ, когда директоръ обходилъ классы „съ отмѣтками“. Прежде табеля выдавались ежемѣсячно, и вотъ, когда такіе табеля были готовы, являлся въ классъ директоръ съ инспекторомъ и сторожами, похваливъ хорошихъ учениковъ, онъ дѣлалъ замѣчаніе слабымъ, а затѣмъ, плохихъ учениковъ или большихъ шалуновъ тутъ же въ классѣ пороли. Часто, впрочемъ, дѣлалось снисхожденіе и порку замѣняли карцеромъ. Хожденіе „съ отмѣтками“ занимало цѣлый день и то въ томъ, то въ другомъ классѣ были слышны крики.

Туго шло мое ученіе, но я ни разу въ Томскѣ не попалъ подъ порку и, оставшись въ 1-мъ классѣ еще на годъ, началъ учиться получше, хотя вообще далеко неуспѣшно.

Сестра Людмила училась дома — для нея нанятъ былъ старичекъ *учитель французск. языка*, да какой-то *французикъ* — для *обученія танцевъ*. Я могъ бы тутъ тоже поучиться французск. языку, но увы никто меня къ этому не принуждалъ, а у самого не хватало умишка понять пользу знанія фр. языка. Танцовать навострился порядочно и

частенько плясалъ съ барышнями на дѣтскихъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ домѣ богачей Соколовыхъ. Былъ большой любитель ѣздить верхомъ и частенько участвовалъ въ кавалькадахъ, устраиваемыхъ большимъ пріятелемъ отца—полицеймейстеромъ Вас. Мих. Любимовымъ. Отецъ, по совѣту врачей, почти каждый день ѣздилъ верхомъ на своей маленькой лошадкѣ „Чернышѣ“ и за городомъ нѣсколько проходилъ пѣшкомъ. Это у отца было великое удовольствіе послѣ сидѣнія въ канцеляріи и дома за бумагами. Вечера онъ тоже обыкновенно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, какъ бы предчувствуя свою не долгую жизнь, приводилъ въ порядокъ свои „Воспоминанія“. Часто во время прогулокъ отца и я сопровождалъ его верхомъ же на очень хорошей лошадкѣ. Изъ этихъ частыхъ поѣздокъ мнѣ остались памятны наши путешествія верстъ за 9-ть, *на дачу* Поповыхъ—*Басандайсу*. Это—чудная мѣстность и прекрасная дорога. Нерѣдко ѣздили на *дачу Степановку* въ 4—5 вер. отъ города, принадлежавшую Сосулину, гдѣ вечеромъ передъ праздниками въ маленькой церкви, отдѣланной превосходно. Дача эта представляла какой-то рай. Прекрасный домъ, роскошный садъ и прелестное мѣсто. Недоѣзжая съ полверсты до Степановки былъ хорошій хуторъ, принадлежащій также къ этой дачѣ, и здѣсь жилъ сосланный въ Сибирь *декабристъ* старикъ *Батенковъ*.

Отецъ иногда заѣзжалъ къ Батенкову и бесѣдовалъ съ нимъ. Это былъ человѣкъ очень образованный, кругомъ него была масса книгъ и онъ постоянно читалъ. Я, будучи мальчишкой, нѣсколько боялся этого, на мой взглядъ, суроваго старика, мнѣ помнится, онъ не только никогда не смѣялся, но и не улыбался. Впрочемъ это и не мудрено послѣ страшныхъ испытаній въ жизни. Говорятъ, его забыли сослать въ каторгу вмѣстѣ съ другими декабристами и онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости 20 лѣтъ.

Только тогда объ немъ вспомнили и уже отправили на житье въ Томскъ, гдѣ онъ и познакомился съ хорошей семьей Сосулиныхъ, предложившей ему жить у нихъ на хуторѣ. Батенковъ въ мое время никуда не выходилъ изъ дома. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и умеръ, кажется, въ Ярославской г. въ имѣніи своихъ родственниковъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ вспоминаю еще *Бакунина*, онъ жилъ нѣкоторое время въ Томскѣ, былъ принятъ въ

обществѣ, какъ очень образованный человѣкъ и его въ Томскѣ называли, конечно, въ шутку, Саксонскимъ Королемъ. Нѣсколько разъ онъ бывалъ и у отца. Насколько помню, всѣхъ поразила вѣсть о *свадьбѣ Бакунина на полькѣ Квятковской*. Во время одного изъ проѣздовъ генерала г. Муравьева изъ Питера въ Иркутскъ, Муравьевъ, какъ я послѣ узналъ, родственникъ Бакунина, ѣздилъ на дачу Квятковскихъ и былъ сватомъ Бакунина. Это было въ 1858 году. Я это хорошо знаю потому, что два брата барышни Квятковской были моими товарищами по гимназіи и мы почти всегда вмѣстѣ возвращались домой изъ гимназіи, такъ какъ Квятковскіе жили по дорогѣ, на Большой улицѣ подъ Юртичной горой, занимая нижній этажъ довольно большого дома. Вскорѣ послѣ свадьбы, Бакунинъ былъ переведенъ въ Иркутскъ, куда уѣхали и Квятковскіе, старшій изъ братьевъ Квятковскихъ, кажется, поступилъ куда-то на военную службу, а младшій былъ вмѣстѣ со мной въ 6 и 7 кл. Иркутской гимназіи, куда я перешелъ послѣ смерти отца въ 1859 г. Въ 1861—62 учебномъ году, когда мы были въ 7 классѣ, разнеслось извѣстіе, что *Бакунинъ бѣжалъ* изъ Сибири; я помню, какъ мы, гимназисты, начали подтрунивать надъ Квятковскимъ, упрекая его въ пособничествѣ бѣгству, въ которомъ конечно онъ совершенно не виноватъ. Мы, гимназисты, бранили Бакунина, обманувшаго новаго генералъ-губернатора Корсакова и бросившаго жену. Однако, впослѣдствіи, Квятковскій сообщилъ намъ, что Бакунинъ уже въ Парижѣ и что жена туда ѣдетъ, что въ его судьбѣ принималъ участіе бывшій генералъ-губернаторъ Муравьевъ-Амурскій, который былъ кумомъ Парижской православной церкви.

Въ числѣ учителей старшихъ классовъ вспоминаю еще *учителя исторіи Игнатьева*, онъ умѣлъ заставить насъ полюбить свой предметъ, и мы съ удовольствіемъ занимались чтеніемъ историческихъ христоматій. Память у меня была хорошая и я отлично помнилъ массу именъ. Зналъ греческую миѳологію и хвалился знаніемъ древней исторіи, которую изучали по *учебнику Смарагдова*. Исторія Смарагдова заключалась въ 3 большихъ томахъ, и можно удивляться, какъ мы успѣвали ихъ выучивать. Краткое, но ясное объясненіе Игнатьева давало намъ только общій смыслъ какого нибудь историческаго событія, а всѣ подробности мы должны были найти въ книгѣ и зазубрить.

Многіе читали, кромѣ Смарагдова, еще исторію Бенера. Почти для всѣхъ насъ это былъ любимый предметъ.

Томскъ въ пятидесятыхъ годахъ былъ уже довольно большимъ городомъ, но грязнымъ и малоустроенъ. Большая улица шла почти чрезъ весь городъ и пересѣкалась грязной рѣченкой Ушайкой, чрезъ которую былъ устроенъ деревянный, неказистый мостъ, съ этого мѣста Ушайка шла параллельно улицѣ, такъ что Большая улица тутъ была застроена только съ одной стороны. Здѣсь были хорошіе дома: вблизи моста былъ домъ Зах. Мих. Цибульскаго, знаменитаго богача жертвователя на Томскій университетъ. *Зах. Мих. Цибульскій* вышелъ изъ простыхъ кабацкихъ подносчиковъ-мальчишекъ и, благодаря энергіи, добился самостоятельности. Работая лично самъ, безъ всякихъ управляющихъ, онъ нажилъ на своихъ золотыхъ промыслахъ большое состояніе. Онъ выстроилъ себѣ небольшой, но роскошный домъ и на диво всѣмъ вставилъ въ окна цѣльныя стекла, что тогда было величайшей рѣдкостью. Въ домѣ все было отдѣлано мраморомъ. Въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ Зах. Мих. съ женой (дѣтей у нихъ не было), а внизу помѣщалась старушка-мать Цибульскаго, которая занималась шитьемъ для пожертвованій въ церкви и держала около себя нѣсколько дѣвушекъ, помогавшихъ ей въ работахъ. Говорятъ, она хвалилась тѣмъ, что много лѣтъ шьетъ одной и той же иголкой и потеря иголки составляла несчастіе, всѣ дѣвушки должны быть искать иголку и мучились, пока не находили.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Цибульскій съ женой предпринялъ путешествіе въ Россію и заѣзжалъ ко мнѣ въ Казань. Масса перинъ и подушекъ, набранныхъ на дорогу, была оставлена у меня въ Казани, такъ какъ только тутъ они смекнули, что путешествовать съ такимъ багажомъ неудобно.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ разсказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ стариковъ Цибульскихъ гдѣ-то въ Малороссіи, ѣдущихъ въ тарантасѣ и забавлявшихся заводной игрушкой—соловьемъ. Посѣтивъ святыя мѣста, Цибульскіе возвратились въ Томскъ и занялись дѣлами благотворительности. Цибульскій *пожертвовалъ очень много на устройство Томскаго университета.*

Въ одномъ кварталѣ съ домомъ Цибульскаго находился и домъ богачей Шумигиныхъ, далѣе дѣлая небольшой изгибъ улица шла къ Юрточной горѣ и тутъ направо на самомъ краю горы былъ домъ Сосулина, а налѣво домъ почтовой конторы и домъ Губернатора, затѣмъ

направо выдѣлялся домъ совсѣмъ разорившагося богача Горохова. Гороховъ нажилъ состояніе на золотыхъ промыслахъ и страшно роскошничалъ; его садъ около дома представлялъ нѣчто волшебное: спускаясь подъ гору террасами, въ которыхъ вырыты были фантастическіе гроты, садъ пересѣкался громаднымъ искусственнымъ проточнымъ прудомъ, чрезъ который были перекинуты мостики и даже цѣлое зало, отдѣланное сплошь по стѣнамъ зеркалами. Масса насыпныхъ горокъ, бесѣдокъ и т. п., все было убрано цвѣтами. Въ этомъ паркѣ и саду были олени, дикія козы и пр. Здѣсь давались знаменитые пиры. Я, пріѣхавъ въ Томскъ мальчишкой, уже не видалъ всего этого, а только частенько бѣгалъ смотрѣть на разрушенный садъ, на провалившіеся мосты, разбитыя зеркала, обвалившіеся гроты и пещеры. Все было запущено, домъ занимали квартиранты (кажется, откупщикъ Исаевъ), а самъ Гороховъ жилъ больнымъ старикомъ въ небольшомъ флигелькѣ около своего когда-то роскошнаго сада.

Подвигаясь по Большой улицѣ еще дальше, всякій дивовался на дворецъ золотопромышленника Асташева, на дворцѣ красовались золоченыя звѣзды громоотвода и вообще онъ выдѣлялся своей величиной и отдѣлкой; здѣсь жилъ старикъ Асташевъ—жилъ очень скромно, не задавалъ ни банкетовъ, ни пировъ. Онъ, кажется, постоянно хворалъ. Семьи у него не было, единственный сынъ служилъ въ Петербургѣ.

Невдалекѣ отъ дома Асташева находился громаднѣйшій недостроенный соборъ, въ которомъ во время постройки провалился куполъ. Соборъ уже много лѣтъ стоялъ въ разрушенномъ видѣ и по его полусгнившимъ лѣсамъ лазали козы, да мы, гимназисты, въ компаніи съ другими ребятами. Считалось за удальство постоять на самомъ верху на стѣнѣ и даже походить на ней.

Напротивъ этого собора было громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ, а наискосокъ начиналась городская березовая роща—паркъ. Это было любимое мѣсто гулянья для насъ, ребятъ, тутъ было много бѣлокъ и мы ихъ ловили съ шумомъ и гвалтомъ. Въ этой рощѣ былъ выстроенъ небольшой домъ для помѣщенія клуба, а теперь здѣсь построено громадное зданіе Томскаго университета. Тутъ собственно кончается городъ, дорога дальше шла къ перевозу черезъ рѣку Томь на Московскій трактъ. Невдалекѣ находились солдатскіе лагери, занимающіе высокій берегъ Томи. Сюда

часто ѣздили горожане послушать музыку и погулять въ окрестныхъ лѣсочкахъ лагеря.

Противъ лучшей части города, около моста черезъ Ушайку была громадная грязная площадь, на которой помѣщался базаръ, а отъ него шла улица, называемая, кажется, Милліонною, сплошь застроенная каменными домами мѣстныхъ богатыхъ купцовъ. На этой улицѣ въ 2-хъ сосѣднихъ домахъ находилась наша гимназія.

Около моста черезъ Ушайку находился весьма крутой подъемъ на Воскресенскую гору, на верху которой былъ выстроенъ католическій костелъ и довольно большая часть города, которая тянулась до кладбища, находящагося на Сибирскомъ трактѣ. За Воскресенской горой расположена была громадная часть города, населенная большею частью раскольниками (много было скопцовъ), и здѣсь же выстроенъ единовѣрческій храмъ. Съ Большой улицы почти противъ губернаторскаго дома шелъ спускъ въ другую низменную часть города—Татарская слобода, гдѣ высился татарскій минаретъ. Грязь здѣсь была непролазная. Въ противоположной сторонѣ окраину города занимала такъ называемая Солдатская слобода, тоже не менѣе грязная. Садовъ въ городѣ не было, если не считать городской березовой рощи на окраинѣ и монастырской рощи, представляющей скорѣе заброшенный пустырь съ нѣсколькими деревьями. Монастырь мужской помѣщался среди города и былъ окруженъ каменной стѣной. Тамъ было нѣсколько церквей, и около главной изъ нихъ похороненъ мой отецъ. Чтобы найти его могилу, приложу здѣсь небольшой планъ, авось внучата когда-нибудь попадутъ въ Томскъ и вспомнятъ своего дѣдушку или прадѣдушку, авось подправятъ и могильный памятникъ, вѣроятно, попортившійся отъ времени. Памятникъ отца представляетъ цѣльный камень длиною до 2-хъ аршинъ, а вышиною около 1 аршина; онъ окруженъ желѣзной рѣшеткой.

Изъ томской жизни сильно врѣзалось въ моей памяти мое пребываніе во время ваката на казенномъ Кирилевскомъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ завѣдывалъ знакомый отца Наполеонъ Ивановичъ Саковичъ, обрусѣлый полякъ. У него была большая семья. Саковичъ поступилъ на заводъ уже послѣ того, какъ заводъ сгорѣлъ, и я видѣлъ только громаднѣйшій прудъ и хорошо устроенное селеніе съ деревянною церковью. Заводъ находился верстахъ въ 60-ти отъ города вблизи Оби (около версты). Рабочими на заводѣ

были ссыльно-каторжные, однако они жили совершенно свободно и почти всѣ имѣли свои домишки и свое хозяйство. Нельзя было думать, что это каторга. Рабочіе свободно ѣздили въ лѣсъ, рубили дрова, занимались посѣвомъ, косили траву, были между ними портные, сапожники и др. мастера. Военнаго караула почти не было, и все обстояло благополучно. Даже отпускали въ городъ, конечно, секретно, для продажи издѣлій. Разобранныя части сгорѣвшаго завода были сложены въ груды и, кажется, послѣ растасканы. Мнѣ памятно, какъ послѣ распоряженія объ окончательномъ прекращеніи работъ на заводѣ, пришлось отправлять всѣхъ каторжниковъ на какой-то другой заводъ. Всѣхъ ихъ раздѣлили на нѣсколько группъ, и вотъ однажды представилась такая картина. Около дома смотрителя завода собрались отправляемые, большею частіею люди семейные, у большинства своя лошадь и телѣга, куда посажены ребятишки и сложенъ домашній скарбъ. Кругомъ масса провожающихъ, которымъ предстоитъ такое же переселеніе. Плачъ и вопль страшные. Домишки и огороды бросались задаромъ, потому что некому было покупать. На каждаго каторжнаго выданы были кандалы, которые и положены на воза, и строго приказано надѣть ихъ около городского перевоза, когда встрѣтятъ городское начальство. Смотритель вышелъ проститься, служили молебенъ, угостили всѣхъ чаркой водки. Плачъ усилился, и наконецъ караванъ тронулся подъ конвоемъ 3 или 4 старыхъ солдатъ. Жаль было видѣть, какъ народъ разставался съ мѣстами, гдѣ видимо имъ жилось хорошо. Та же участь переселенія постигла всѣхъ остальныхъ. Впослѣдствіи прорвало заводскую плотину и масса воды изъ громаднѣйшаго пруда надѣлала много бѣдъ: снесла почти всѣ домишки, построенные ниже пруда, и, кажется, при этомъ погибло много народа. Что это за происшествіе—не понятно, неужели нельзя было спустить воду изъ ненужнаго уже пруда.

Въ 1858 году проѣхалъ чрезъ Томскъ *старшій братъ*, онъ кончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи и, какъ хорошій ученикъ, былъ *отправленъ въ Казанскій университетъ*. Отецъ очень радовался встрѣчѣ съ своимъ первенцомъ и выходомъ его на университетскую дорогу. Учениковъ сопровождалъ учитель Яковлевъ, братъ пробылъ у насъ не болѣе дня и покатилъ въ Россію. Въ этотъ годъ я перешелъ уже въ 5-й классъ гимназіи и началъ заниматься порядочно. Здоровье отца становилось все хуже и хуже, у

него развивалась чахотка, и онъ страшно слабѣлъ. Занимаясь на службѣ, отецъ почти никуда уже не выѣзжалъ и вечерами усиленно переписывалъ и приводилъ въ порядокъ свои рукописи, стараясь кончить книгу „Воспоминаній". Въ концѣ года, въ декабрѣ, онъ рѣдко уже сидѣлъ и видимо постепенно угасалъ. Его еще поддерживала надежда на лѣтній отпускъ въ степь на кумысъ, что обѣщалъ ему выхлопотать губернаторъ, но надежда не оправдалась и *въ 1859 году 14 января* въ часовъ 7 утра, *онъ* тихо *умеръ*, исполнивши весь христіанскій долгъ. Соборовали ночью, потомъ онъ благословилъ всѣхъ насъ и тихо умеръ. Въ послѣднія минуты его жизни у его постели были я и В. М. Любимовъ, другъ отца. Мачиху и маленькихъ Кету и Сашу увели изъ комнаты. Что-то такое оборвалось во мнѣ, когда я понялъ, что теперь начинается для меня новая жизнь, что уже нѣтъ отца, который сильно любилъ насъ и могъ насъ поддержать. Панихиды и самыя похороны отца я помню какъ-то смутно. У меня все перемѣшалось тогда въ головѣ. Передъ смертью отецъ позаботился объ устройствѣ семьи. Еще за годъ до этого выхлопоталъ принять сестру Люмашу въ Иркутскій институтъ, затѣмъ высказалъ желаніе, чтобы и меня перевести въ Иркутскую гимназію на казенный счетъ, и тутъ ему удалось такъ подѣйствовать на генералъ-губернатора Муравьева, что *меня приняли въ Иркутскій пансіонъ въ неочередь*. Отецъ убѣдилъ пріѣхать въ Томскъ отца мачихи Забаровскаго, который жилъ въ Иркутскѣ на пенсіи и, пристроивъ всѣхъ дѣтей, былъ теперь одинокимъ, такъ какъ жена уже умерла. Такимъ образомъ я долженъ былъ уѣхать въ Иркутскъ, а мачиха съ маленькими дѣтьми осталась въ Томскѣ со своимъ отцомъ. Средствъ у отца никакихъ не осталось, мачиха получила очень маленькую пенсію и только благодаря тому, что у ней были деньжонки отъ своего отца—Забаровскаго, да и его помощь, она могла жить безбѣдно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вышла замужъ за В. М. Любимова, имѣющаго порядочныя средства и большую дочку Полину. Онъ женился уже въ 3-й разъ. У нихъ родился сынъ Иванъ, который кончилъ курсъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ и, послуживъ немного въ военной службѣ, занимается теперь сельскимъ хозяйствомъ въ Симбирской губерніи.

Въ Иркутскую гимназію я поступилъ прямо въ 6-й кл. и долженъ былъ жить въ гимназическомъ пансіонѣ. Ди-

ректоромъ состоялъ все тотъ же Константинъ Петровичъ Бабановскій, живущій холостякомъ въ зданіи гимназіи.

Изъ учителей хорошо помню Петра Ивановича Полынцова—математика. Онъ на первомъ же урокѣ, желая узнать мои познанія по математикѣ, началъ меня спрашивать изъ курса 5 и 4-го класса, оказалось, что я ничего не знаю, это просто удивило его, и онъ махнулъ на меня рукой. Полынцовъ былъ очень умный и серьезный человѣкъ, его разсказъ перваго урока былъ для меня удивительно понятенъ, и я ясно представилъ себѣ всю суть урока, то же было и при дальнѣйшихъ разсказахъ Полынцова, и я отвѣчалъ ему всегда очень хорошо, однако зады я зналъ плохо, и потому Полынцовъ посовѣтовалъ мнѣ прочитать краткій курсъ алгебры Погорѣльскаго, и вотъ, прочитавши эту небольшую книжку, я съ величайшей любовью началъ заниматься математикой и сдѣлался первымъ ученикомъ въ классѣ по всѣмъ математическимъ предметамъ. Прочиталъ полный курсъ математики Бурдони (очень старое изданіе) и довольно хорошо рѣшалъ классныя задачи. Словомъ, прослылъ знающимъ математику. Это помогло мнѣ получить кое-какія льготы по другимъ предметамъ, въ особенности по языкамъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Мессъ (въ 70 годахъ онъ, кажется, получилъ мѣсто директора Красноярской гимназіи). Фигура этого нѣмца была удивительная: длинный, очень худой, онъ имѣлъ и лицо очень длинное, а пальцы его представляли какія-то тонкія, длинныя палки. Ходилъ онъ очень большими шагами, прикрывая лицо книгами. Входя въ классъ, онъ со второго шага былъ уже на каѳедрѣ и, держа растопыренными пальцами книгу, закрывался ею отъ учениковъ, изрѣдка выглядывалъ изъза нея то съ одной, то съ другой стороны. Мессъ былъ очень хорошій учитель, и его ученики хотя боялись, но уважали и прекрасно знали латинскій языкъ. Между моими товарищами 6-го класса я помню нѣсколькихъ, которые довольно свободно читали и даже говорили по-латыни, а вѣдь начинали учиться съ 3-го класса и число недѣльныхъ уроковъ было небольшое, далеко не то, какъ впослѣдствіи въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ морили учениковъ латинскимъ и греческимъ языками и приводили къ тому результату, что, по окончаніи курса, классики сжигали на первой пирушкѣ всѣ свои классическія книги,

а филологическіе факультеты опустѣли до того, что иногда на нихъ не было въ курсѣ ни одного студента.

Я не учился у Месса, товарищи же разсказывали, что способъ его былъ таковъ: въ 3-мъ классѣ, приходя въ первый разъ на урокъ, онъ прямо заставлялъ учениковъ читать латинскую книгу и сейчасъ же переводить. Объясняя правила чтенія, онъ такъ умѣлъ заинтересовать учениковъ, что они очень скоро читали вполнѣ бойко и, безъ всякаго труда и зазубриванія, знали много словъ. Изученіе латинскаго языка шло такъ легко, что всѣ ученики не считали его за трудный предметъ.

Поступивъ въ 6-й классъ, я рѣшительно ничего не зналъ изъ латинскаго языка и на первомъ же урокѣ Мессъ заявилъ, что онъ не считаетъ меня ученикомъ и дѣйствительно никогда не спрашивалъ и не ставилъ никакихъ отмѣтокъ. При переходѣ въ 7-й классъ мнѣ разрѣшили сдать экзаменъ изъ латинскаго языка при окончаніи курса. Однако на мое счастье Месса уже не было, когда я кончалъ курсъ, а былъ другой учитель—Стратаницкій, человѣкъ очень слабый здоровьемъ и не пользующійся уваженіемъ со стороны учениковъ.

Къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ я выучилъ кое-какіе переводы, но совершенно не зналъ грамматики и на экзаменѣ получилъ единицу. Благодаря хорошимъ отмѣткамъ по другимъ предметамъ мнѣ назначили черезъ недѣлю переэкзаменовку, но я, придя къ Стратаницкому, заявилъ опять о своемъ незнаніи и указывалъ на желаніе свое поступить на математическій факультетъ, гдѣ дескать не нужно латинскаго языка, и Стратаницкій согласился поставить мнѣ тройку.

Спасибо ему. При теперешнихъ порядкахъ я былъ бы выброшенъ за бортъ и конечно влачилъ бы свое существованіе гдѣ-нибудь въ глуши Сибири мелкимъ чиновникомъ, а можетъ быть и совсѣмъ погибъ бы. Только одинъ разъ на своемъ вѣку мнѣ понадобился латинскій языкъ, это было тогда, когда я готовился къ министерскому экзамену по астрономіи и профессоръ Ковальскій указалъ мнѣ на необходимость познакомиться съ сочиненіемъ Бесселя „Fundamenta Astronomiae“. Пришлось обратиться къ знакомому студенту Порфирію Петровичу Гвоздеву, прекрасно знающему латинскій языкъ, и онъ, ничего не понимая въ математикѣ, переводилъ мнѣ текстъ, перевирая конечно математическіе термины. Этотъ переводъ, почти подстроч-

ный, сохранился у меня до сихъ поръ и если бы книга Бесселя не устарѣла, то можно бы издать ее на русскомъ языкѣ, конечно обдѣлавши переводъ Гвоздева какъ слѣдуетъ.

Изъ сочиненія Бесселя я вынесъ мало знаній, и знакомство съ нимъ было для меня не болѣе какъ знакомство съ историческимъ памятникомъ, написаннымъ великимъ астрономомъ - математикомъ и великимъ наблюдателемъ. Мое незнаніе латинскаго языка и тутъ мнѣ не помѣшало.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ пасторъ Космапъ, плохо знающій русскій языкъ, и ученики худо занимались этимъ предметомъ и часто вышучивали Космана, пользуясь его незнаніемъ русскаго языка.

Учитель естественной исторіи Кибальчичъ — хохолъ, былъ надзирателемъ пансіона и состоялъ въ большой дружбѣ съ директоромъ, его ученики не особенно любили, но онъ, кажется, былъ порядочный человѣкъ, хотя далеко не изъ умныхъ и знающихъ. Онъ почти каждую фразу начиналъ словами: „Да у скаже, у мой другъ, у тотъ, у этотъ“, такъ что гимназисты между собой звали его „Утотъ“. Въ 6-мъ классѣ онъ училъ насъ минералогіи, а въ 7-мъ физіологіи; эти предметы я зналъ довольно порядочно, но вотъ была бѣда, когда въ 7 классѣ пришлось сдавать экзаменъ не только по зоологіи, которую я еще мало-мало зналъ, минералогіи, физіологіи, но и ботаникѣ; этотъ послѣдній предметъ я совсѣмъ не проходилъ въ Томской гимназіи, и мы никакъ не ожидали, чтобы его назначили на экзаменъ, предполагая, что дѣло ограничится только одной физіологіей. Просмотрѣвъ двѣ довольно толстыя книги по ботаникѣ (имя автора сейчасъ забылъ), я всталъ втупикъ, какъ тутъ вывернуться. И вотъ одинъ изъ товарищей взялся научить меня отвѣчать на экзаменѣ у Кибальчича Нужно было бойко перечислять разные ботаническіе термины, характеризующіе семейства растеній, хотя эти термины и не относились бы къ тому семейству растеній, о которомъ спрашиваютъ. Весь фокусъ основывался на томъ, что Кибальчичъ, собираясь останавливать вранье ученика, начиналъ свою фразу: да у скаже, у мой другъ..., а тутъ можно было наврать три короба, остальные же депутаты, не зная конечно ботаники, предполагали, что ученикъ отвѣчаетъ хорошо, и послушавъ немного, заявляли, что такого знающаго ученика нечего долго спрашивать. Кибальчичъ соглашался, и отмѣтка являлась хорошею, только

послѣ Кибальчичъ успѣвалъ доказать ученику его незнаніе, но это было домашнее дѣло.

Такъ случилось и со мной—я хорошо сдалъ экзаменъ по батаникѣ.

Законоучитель—свящ. Карташовъ былъ довольно строгъ и требовалъ отчетливыхъ знаній. У него учились хорошо. Онъ почти всегда ходилъ по классу, такъ что про него сложено было стихотвореніе, начинающееся такъ:

Ходитъ попъ по классу,
Съ длинной бородой,
Расправляя рясу
Жилистой рукой.

Учитель исторіи Иванъ Онисифоровичъ... (забылъ фамилію) увлекалъ насъ разсказами и чтеніемъ историч. книгъ. Хорошій былъ учитель.

Русскій яз. намъ почти не преподавали, и мы сами зубрили учебники: теорія прозы, теорія поэзіи, исторія общей литературы, ист. рус. литерат. Зубрили ужасно. Учителемъ считался Никоновъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Будучи мальчикомъ-сиротой, онъ былъ воспитанъ нашимъ директоромъ Бабановскимъ и по окончаніи курса въ гимназіи, на счетъ же Бабановскаго, учился въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ кандидата филологическихъ наукъ, затѣмъ былъ опредѣленъ учителемъ русс. яз. въ Иркутскую гимназію. Какая-то причина вызвала у него нелады къ своимъ воспитателямъ, и онъ началъ покучивать, а главное совсѣмъ бросилъ занятія съ учениками. Если онъ приходилъ въ классъ, то только для того, чтобы почитать какую-либо книгу, а надо замѣтить, онъ читалъ превосходно. Его чтеніе Гоголя, Успенскаго, Щедрина и др. просто приводило въ восторгъ всѣхъ учениковъ и, обѣщаясь вызубрить всѣ учебники, ученики просили его только читать. Для учениковъ онъ былъ какимъ-то идеальнымъ человѣкомъ. Всѣмъ намъ было извѣстно, что Никоновъ, вмѣсто того чтобы идти въ гимназію, уходилъ версты за 3 отъ города на берегъ рѣчки Каи и тамъ цѣлые дни лежалъ на травѣ и читалъ, кормилъ его мельникъ-толчеистъ, у котораго онъ училъ читать ребенка лѣтъ 7—8. Рѣдко, очень рѣдко заходилъ Никоновъ къ знакомому чиновнику Ивану Флегонтовичу Голдобину, который на Каѣ нанималъ дачу у какихъ-то захудалыхъ однодворцевъ. Теперь вѣроятно будутъ понятны стихи, написанные Никоновымъ

при отъѣздѣ его изъ Иркутска въ Казань, куда онъ былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ по рекомендаціи Вик. Ив. Григоровича, знаменитаго профессора славянскихъ нарѣчій.

Стихи Никонова ученики выучивали наизусть, и я знаю ихъ до сихъ поръ. Вотъ эти прощальные стихи.

Кая моя, Кая, рѣчка дорогая!
Рѣчка дорогая—струйка золотая!
Если бы ты знала, какъ тебя люблю я,
Ты бы исхудала, обо мнѣ горюя.
Скоро ты, родная, меня не увидишь,
Пѣсенъ моихъ грустныхъ больше не услышишь;
Скоро я разстанусь съ мачихой Сибирью
И завѣю слѣдъ свой непроглядной пылью.
Но въ краю далекомъ, въ городѣ Казани,
По жарамъ купаясь въ озерѣ Кобанѣ,
Горько вспоминая о немиломъ краѣ
Объ одной вздохну я,—о родимой Каѣ.
Вспомню о зеленомъ, мягкомъ косогорѣ,
Гдѣ лежалъ на солнцѣ, нѣжась на просторѣ
И, пригрѣтый зноемъ, сномъ я забывался,
Иль, подъ тѣнью сидя, видомъ любовался.
Какъ ты вся закрылась пышными кустами,
Какъ пестрѣетъ поле яркими цвѣтами,
Или подъ березой, тѣнью и прохладой
Скромно наслаждаясь, прячутся коровы.
Цутами стреноженъ, скачетъ конь тоскливо,
Прядая ногами, потрясая гривой,
Или на свободѣ мчится вольной птицей
За своей любимой статной кобылицей.
Прямо какъ спуститься—въ бѣдненькой лачугѣ
Самъ Иванъ Иванычъ, въ обществѣ супруги
Съ четырьмя дочками скромно проживаетъ
И свои доходы въ праздникъ проживаетъ.
Вправо, внизъ по рѣчкѣ, мельница-толчейка,
Ключъ его доходовъ; легкую копѣйку
Мельница приноситъ; не трудна работа,
А на счетъ поправки нѣтъ ему заботы:
Плотину частенько, правда, прорываетъ
Но Зиминъ—хозяинъ, самъ и поправляетъ
А сейчасъ за рѣчкой, на высокомъ мѣстѣ,

На крутомъ пригоркѣ, лѣпится помѣстье
Бывшихъ сынъ боярскихъ,—однодворцевъ даже,
Въ казаки попавшихъ въ силу воли вражей.
Сами землю пашутъ, но и все жъ дворяне,
Грамоту имѣютъ, „копія въ чуланѣ".
Тутъ четыре дома, вотъ и вся деревня.
Двѣ избушки новыхъ, двѣ постройки древнихъ
Три семьи родныя въ трехъ семьяхъ витаютъ,
А четвертый домикъ лѣтомъ нанимаютъ
Какъ бы видѣ дачи,—городскіе люди
Ради поправленья исхудалой груди,
Или, въ общемъ смыслѣ, для возстановленья
Силъ изнеможенныхъ въ жизни треволненьяхъ.
Вотъ и нынче тоже тутъ живетъ съ супругой
Съ замарашкомъ сыномъ, съ лошадью, прислугой,
Рыболовъ извѣстный, старый мой знакомый,
За глаза Флегонтычъ попросту зовомый,
И охотникъ тоже онъ не изъ послѣднихъ,
Говорятъ, бекасовъ настрѣлялъ намедни
Столько, что ужъ больше и стрѣлять не хочетъ
И ружье повѣсилъ, лучше не промочитъ
Ногъ, какъ вотъ Косыгинъ [1]) промочилъ въ ту осень,
Отчего недавно нездоровъ былъ очень.
Дальше, за помѣстьемъ, разлеглись поляны,
Десятины пашенъ, тучныя саванны
Съ яркими цвѣтами, березнякъ, малина
И тѣнистыхъ кущей мягкая картина.
Въ ихъ роскошной сѣни спряталось стыдливо
Озеро большое, изогнувшись криво.
Озеру Синюшкинъ далъ свое прозванье,
Атаманъ разбойникъ (говоритъ преданье).
Все это пространство, прямо предо мною
Замкнуто, какъ цѣпью, горною грядою;
Тянется синѣя горная громада...
Люди не напрасно порожденьемъ ада
Назвали ту гору—Чертовой Горою,
Озеромъ нечистымъ—озеро кривое.

На экзаменъ Апол. Ал. Никоновъ не явился, и директоръ, знатокъ русскаго яз. и словесности, сильно насъ нарѣзалъ

*) Косыгинъ—былъ молодой уч. гимназіи, преподав. законовѣдѣнія.

и отложилъ экзаменъ на недѣлю. Конечно, желая выручить Никонова, какъ любимаго человѣка, мы сильно зубрили и умоляли его прійти на экзаменъ, однако онъ снова не явился, а прислалъ намъ письмо, которое, я помню, начиналось такъ:

„Питомцы мои милые, дѣти мои Богоданные"... въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ соболѣзнованія, что сложившіяся обстоятельства невольно заставили его поставить насъ въ скверное положеніе. Мы плакали, читая это письмо. Директоръ, какъ добрый и хорошій человѣкъ, самъ выручилъ насъ, и экзаменъ прошелъ благополучно.

Къ письму Никоновъ приложилъ стихи на букву ѣ. Конечно, ихъ сейчасъ же выучили, жаль, что нѣкоторыя строфы улетучились у меня изъ памяти. Вотъ та часть, которую я еще помню.

Б. = Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
Убѣжалъ голодный въ лѣсъ,
Долго по лѣсу онъ бѣгалъ
И орѣхомъ пообѣдалъ,
Но за этотъ за обѣдъ
Далъ обѣтъ не дѣлать бѣдъ.

В. = Вѣди вѣдать цѣлый вѣкъ
Долженъ каждый человѣкъ.
Вотъ возьмемъ хоть для примѣра
Съ вѣди пишутъ вѣсъ и вѣра.
Вѣна—Австріи вѣнокъ
Онъ столичный городокъ.
Вѣтеръ вѣетъ, вѣтки гнетъ,
Вѣникъ комнату мететъ,
А какъ вспомнимъ о медвѣдѣ
Такъ поймемъ, что значитъ вѣди.

Г. = Гнѣвъ гнѣдка легко смирить,
Гнѣзда птичьи грѣхъ зорить,
Говоритъ нашъ кучеръ Глѣбъ,
Разрѣзая черный хлѣбъ.

Д. = Изъ большой рѣки Днѣпра
Дѣти тащутъ осетра.
Съ ними дѣдушка хлопочетъ,
Внучка дѣвушка хохочетъ,
Рыбу въ избу принесли,
Раздѣлили на куски,
Мать имъ сдѣлала пирогъ,

Всякій кушалъ, сколько могъ.
А въ другой рѣкѣ Днѣстрѣ,
Отъ Днѣпра невдалекѣ,
Мальчикъ маленькій купался
И Богъ вѣсть куда дѣвался:
Утащилъ ли царь лѣсной,
Утопилъ ли водяной.
Сколько люди ни искали
Только время потеряли.

Ж.=Желѣза, желѣзо съ ять
Такъ ужъ принято писать.

З.=

Л.=Лѣтомъ лекарь въ лѣсъ пошелъ
И нелѣпый грибъ нашелъ,
Онъ хотѣлъ залѣзть на пень
Да взбираться было лѣнь.
Глядь, налѣво тутъ въ лѣсу
Мальчикъ вьетъ себѣ лесу.

М.= . . . . . .
. . . . . .
Мѣломъ цыфры выставляютъ,
Мѣркой мѣряетъ портной,
Мѣстомъ хвалится иной,
Наконецъ мѣсить, мѣшать
Нужно также съ ять писать.

Р.=Рѣшето не то что сито,—
Нѣтъ, рѣшительно не то.
Мелкой рѣшетью покрыто,
А не частой,—рѣшето.

Х.—Буква хѣръ стоитъ крестомъ
И Андреевскимъ притомъ.
Хлѣбъ—для пищи намъ дается,
Хлѣвъ—жилище для скота,
Хрѣнъ—съ холоднымъ подается
И съ горячимъ иногда.

Подпись. Подписалъ Сергѣй Фадѣевъ,
А Матвѣй слышъ Алексѣевъ,
За него черкнулъ злодѣй
Алексѣевъ сынъ, Матвѣй.
Ужъ у дяди у Сергѣя
Пожурили мы Матвѣя.

Жаль, что эти стихи улетучились у меня изъ памяти. Авось кто-нибудь и имѣетъ списокъ ихъ, и тогда можно

бы дополнить. Ученики быстро заучиваютъ ихъ и скоро знакомятся съ массой словъ, пишущихся черезъ ять. Вѣдь это камень преткновенія для учащихся.

Нельзя не пожалѣть, что Петръ Великій, переламывая русскую грамоту, не вычеркнулъ буквы ять и не измѣнилъ кое-что другое. Видимо, онъ самъ не зналъ русской грамматики и не предвидѣлъ трудности ея изученія, не ожидалъ, что родится на свѣтъ Божій Гротъ, который своимъ обязательнымъ „русскимъ правописаніемъ“ въ 80-хъ годахъ окончательно спутаетъ юношество, которое будетъ знать, что по-школьному надо писать такъ, а въ жизни придется писать иначе. Знаменитаго правописанія Грота не придерживается ни литература, ни публика, даже учебники пишутъ, не руководствуясь Гротомъ.

Я не понимаю, чѣмъ руководствовался Гротъ; онъ иногда говоритъ, что писать нужно такъ, потому что это вѣрно по происхожденію слова, въ другомъ мѣстѣ, отбрасывая происхожденіе—основываетъ правильность письма на принятомъ обычаѣ. Такъ же странны его поясненія, напримѣръ, слово куралесить (можетъ быть куролесить) онъ производитъ отъ греч. киріелейсонъ,—поясняя, что это значитъ „Господи помилуй“. Удивительная связь!!

Слова Владиміръ (по Гроту—Владимиръ), идти (по Гроту итти) и масса другихъ словъ такъ и остались съ своимъ правописаніемъ, и только несчастные школьники, благодаря Гроту, получаютъ единицы. Я знаю случай, когда нѣсколько учениковъ, кончающихъ курсъ въ гимназіи, получили въ маѣ неудовлетворительныя отмѣтки по рус. языку и должны были выйти изъ гимназіи, а между тѣмъ въ августѣ ввели правописаніе Грота, по которому оказалось, что исключенные ученики писали по Гроту. Ихъ правописаніе, конечно случайно, совпало съ правилами Грота.

Очень интересна брошюра, приложенная къ отчету Московской жен. гимназіи Перепелькиной, составленная въ 80-хъ годахъ учителемъ русскаго языка В. Шереметьевскимъ, гдѣ онъ разбираетъ методы и правила Грота. Совѣтую всякому почитать. Курьезнѣе всего—само Мин. Нар. Просвѣщенія пишетъ бумаги и даже печатаетъ свой журналъ, не вполнѣ руководствуясь Гротомъ.

Чтобы окончательно покончить съ этимъ преобразователемъ русскаго правописанія, приведу еще курьезъ. Ученикъ могутъ пользоваться книгами только изъ ученице-

скихъ библіотекъ, и вотъ Мин. Нар. Пр. издаетъ въ началѣ 90-хъ годовъ каталогъ книгъ, которыя можно имѣть въ ученическихъ библіотекахъ.

Требуется мнѣніе Пед. Совѣта, какія книги добавить въ этотъ обязательный каталогъ, какъ ихъ распредѣлить и пр. и пр. Годика черезъ два издается новый, якобы дополненный и исправленный каталогъ книгъ. Конечно, Гротъ „Правописаніе“ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ученики берутъ его для руководства и справокъ. Проходитъ еще годика два, и изъ Министерства присылается второе изданіе каталога ученич. библіотекъ, исправленное и дополненное, но къ удивленію „Правописанія“ Грота нѣтъ. Конечно, это опечатка, грубая ошибка, однако нѣтъ, совсѣмъ не то: въ числѣ книгъ, изъятыхъ изъ ученическихъ библіотекъ и обозначенныхъ номерами стараго каталога, значится номеръ, подъ которымъ было въ каталогѣ „Правописаніе Грота“; значитъ, тутъ не ошибка, а прямо Гротъ изъятъ изъ ученическихъ библіотекъ. Спрашивается, какъ тутъ быть. Будучи директоромъ, я хотѣлъ написать запросъ, да махнулъ рукой. Авось, думаю, когда-нибудь найдется умный человѣкъ и выяснитъ русское правописаніе безъ всякихъ мудрствованій, а главное упроститъ его.

Мнѣ кажется, что правописаніе Грота будетъ впослѣдствіи разбираться какъ желаніе запутать русскую грамоту, затруднить обученіе, ну, словомъ, система „Катковъ и Толстой“.

Однако возвратимся къ Никонову. Этотъ очень способный человѣкъ долженъ былъ читать пробную лекцію въ Казанскомъ университетѣ и хотя ему назначали время два раза, однако онъ не явился на лекціи, пьянствуя. Конечно, выяснилась его непригодность къ ученому дѣлу, и онъ больше не могъ разсчитывать на университетскую карьеру. Говорятъ, Никоновъ очень бѣдствовалъ и наконецъ былъ назначенъ учителемъ на Кавказъ, но вскорѣ тамъ умеръ. Жаль, что не нашлись добрые люди и не поддержали Никонова.

Изъ другихъ учителей припоминаю учителя французскаго языка Яковлева (впослѣдствіи директоръ Иркутской гимназіи). Это былъ лѣнивый человѣкъ, и мы у него учили какіе-то французскіе стихи и больше ничего. Прекраснымъ учителемъ физики былъ Гессъ, онъ преподавалъ шикарно, разсказывалъ ясно и требовалъ отчетливыхъ знаній. Физику учили по Ленцу, всѣ теоріи были старыя, и теплоту счи-

тали за жидкость, магнитизмъ тоже. Ученики, услыхавшіе новыя теоріи колебаній, совсѣмъ становились въ тупикъ и не признавали ихъ.

Гескъ открылъ въ Иркутскѣ пансіонъ. Пансіонъ этотъ помѣщался въ очень большой квартирѣ, въ которой, кажется, ранѣе былъ клубъ. Помѣщеніе было прекрасное, въ нижнемъ этажѣ была квартира Геска, гдѣ онъ жилъ со своей семьей, кромѣ того внизу помѣщались холостые учителя гимназіи: Полынцевъ, учитель математики, и Косыгинъ, учитель законовѣдѣнія. Самъ Гескъ занимался съ учениками языками и физикой, Полынцевъ—математикой, а Косыгинъ—исторіей и вообще словесными науками. Классныя комнаты находились тоже въ нижнемъ этажѣ. Въ большомъ мезонинѣ были спальни пансіонеровъ. Хозяйствомъ завѣдывала жена Геска, все обставлено было очень шикарно, конечно, и цѣна въ этомъ пансіонѣ была очень дорогая—кажется, отъ 400 до 600 руб.

Пансіонеровъ было человѣкъ 15, и почти всѣ они учились въ гимназіи. Надзоръ прекрасный и какъ самъ Гескъ, такъ и его товарищи строго соблюдали свои дежурства и никогда не оставляли пансіонъ безъ надзора. Вообще пансіонъ Геска славился.

Пробывъ въ 7 классѣ годъ, я не могъ попасть на Сибирскую стипендію въ университетъ и потому долженъ былъ остаться на 2-й годъ.

Лѣтомъ 1861 года, живя у дяди, я началъ сильно заниматься, многое прочиталъ, беря книги изъ городской библіотеки. Между прочимъ мнѣ попалось хорошее изданіе астрономіи Хотинскаго, и я съ увлеченіемъ не только прочиталъ эти 4 томика, но сдѣлалъ массу выписокъ и даже сравнивалъ приводимыя тамъ цифры съ цифрами Гумбольда, въ его Космосѣ, который я считалъ самой замѣчательной книгой на свѣтѣ. Увлекаясь популярной астрономіей, я выпросилъ себѣ изъ гимназіи небольшую трубу и цѣлыя ночи смотрѣлъ на звѣзды. Я былъ чрезвычайно радъ, что мнѣ удалось по сравненію неба съ картой отыскать планеты Венеру, Юпитера и Сатурна. Бывшую тогда комету я наблюдалъ, записывая примѣрно положеніе ядра относительно звѣздъ и отмѣчая направленіе хвоста. Цѣлые вечера просиживалъ, стараясь, хотя приблизительно, найти математическую связь между цифрами и дѣйствительно хорошо изучилъ космографію. Уже послѣ

начала уроковъ, директоръ Бабановскій, встрѣтивъ меня въ коридорѣ пансіона, вдругъ сказалъ: „я слышалъ, что вы звѣзды считаете". Мнѣ показалось это намекомъ на мое ничего-недѣланіе, и я объяснилъ ему все простымъ любопытствомъ, не мѣшающимъ моимъ занятіямъ другими предметами. Такъ какъ это былъ день роспуска на какой-то праздникъ, то я еще болѣе смутился, когда директоръ сказалъ: зайдите ко мнѣ послѣ классовъ на квартиру, я еще съ вами поговорю. Ну, думаю себѣ, задастъ онъ мнѣ гонку, а пожалуй не пуститъ домой на праздникъ.

Скрѣпя сердце отправился я къ нему, и онъ очень любезно похвалилъ мои занятія и далъ только-что полученныя имъ для библіотеки 4 тома общепонятной астрономіи Араго. Это было для меня большой наградой. Я просто не отрываясь прочиталъ это сочиненіе и удивлялся массѣ фактовъ, приводимыхъ въ немъ. Я чувствовалъ, однако, недостатокъ своей математической подготовки къ изученію части математическихъ сочиненій по астрономіи, но, не имѣя подъ руками какого-либо руководителя, я не представлялъ себѣ, сколько нужно было знать, чтобы имѣть возможность познакомиться съ теоретической астрономіей.

Добывъ какую-то старинную химію Гессе, я дѣлалъ кое-какіе простенькіе опыты, но мало пріобрѣлъ знаній по химіи.

Старуха бабушка Марья Ливерьевна частенько ворчала на меня за мои, по ея мнѣнію, не только безполезныя занятія, но даже противорелигіозныя, т. к., говорила она, грѣхъ узнавать будущее, а ты толкуешь, что можно предсказать впередъ даже затменіе солнца. Часто, съ двоюродной сестрой Анютой Щукиной (замуж. за Думанскимъ) мы сердили старуху, увѣряя ее, что умѣемъ предсказывать небесное явленіе, напримѣръ, можемъ предсказать, что завтра будетъ день, а если ночью не будетъ облаковъ, то видны будутъ звѣзды. Старуха добродушно смѣялась и называла насъ глупыми ребятами, мы тоже были довольны своими выдумками и весело проводили время въ праздничные дни, когда меня отпускали изъ пансіона.

Въ концѣ 1861 года случилось въ Иркутскѣ сильное землетрясеніе. Я его хорошо помню. Хотя въ Иркутскѣ землетрясенія не составляютъ особенно рѣдкаго явленія, но обыкновенно бываютъ слабыя и многими совершенно не замѣчаются. Землетрясеніе 30 и 31 декабря 61 года было очень сильное. Послѣ обѣда 30 декабря, я отправился смо-

трѣть какую-то панораму, устроенную въ домѣ бывшаго канцелярскаго училища, наискосокъ гимназіи. Это было около 4-хъ часовъ вечера. Я и нѣсколько человѣкъ какой-то публики спокойно смотрѣли картинки, какъ вдругъ, установленныя въ комнатахъ перегородки начали шевелиться и трещать. Я сначала думалъ, что это просто перестановка картинъ, но задвигались стѣны, и кто-то крикнулъ: землетрясеніе! Всѣ бросились къ выходу и только тогда опомнились, когда очутились во дворѣ. Морозъ былъ сильный (градусовъ 25), и чувствовалось какое-то угнетенное состояніе. Раздавшійся звонъ колокола къ вечерни звучалъ какъ-то уныло. Было уже не до осмотра панорамы, и я скорѣе побѣжалъ домой, т. е. къ дядѣ. Тамъ, конечно, всѣ чувствовали бывшее землетрясеніе, но особаго значенія ему не придавали. Часовъ въ 7 я, переходя изъ одной комнаты въ другую, отворилъ дверь, и въ это время какъ будто что-то толкнуло меня, оказалось, это былъ новый ударъ землетрясенія, слабѣе перваго.

31 декабря многіе наши родные собрались на обѣдъ къ моей теткѣ Ал. Ильин. Щукиной въ ея домѣ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Около $2^1/_2$ ч. всѣ гости направились въ зало, гдѣ накрытъ былъ большой обѣденный столъ. Какъ только вошли въ зало, то раздалось дребезжаніе посуды, закачались старинныя зеркала и лампадки,—всѣ бросились бѣжать. Выскочивъ на дворъ безъ всякаго теплаго платья, несмотря на страшный холодъ, всѣ были поражены, увидѣвъ, что свалился крестъ съ церкви и что сама церковь качается. Двоюродная сестра моя Маша Красильникова вспомнила, что въ домѣ остался ея ребенокъ Саша, я бросился за нимъ и когда вбѣжалъ въ домъ, то нашелъ его сидящимъ на полу; я видѣлъ, какъ качались лампадки, сыпалась штукатурка, и, схвативъ Сашу, бросился бѣжать съ нимъ во дворъ, захвативъ въ прихожей какую-то шубку. Долго стояли всѣ во дворѣ, пораженные грозными явленіями, и затѣмъ уже было не до обѣда. Всѣ скорѣе торопились по домамъ, чтобы узнать, не случилось ли тамъ несчастія.

Я тоже поѣхалъ домой, улицы были пусты. Впечатлѣніе тяжелое. По дорогѣ видѣлъ, какъ повернулся крестъ на Тихвинской церкви. Дома у дяди было все благополучно. Онъ самъ прихварывалъ и во время удара сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Его мало поразило землетрясеніе, и онъ началъ только спасать бутыль съ какой-то рѣдкостной наливкой, снявъ ее съ гардероба, гдѣ она стояла. Въ городѣ земле-

трясеніе надѣлало не мало бѣдъ. Куполъ Крестовской церкви упалъ, многія зданія дали трещины. Наша гимназія дала трещину вдоль всего верхняго корридора.

Во время землетрясенія 31 декабря осѣло довольно значительное пространство земли около Байкала, и на другой день, т. е. 1 января, воды Байкала залили такъ называемыя Кударинскую или Цыганскую степь. Погибло много скота, сѣна и пострадало бурятское населеніе. Кажется, никто изъ людей не погибъ.

Въ январѣ, февралѣ и далѣе удары землетрясенія повторялись почти ежедневно, хотя въ слабой степени. Населеніе начало трусить, и по ночамъ всѣ спали не раздѣваясь.

Припоминаю очень странное, скорѣе опасное распоряженіе архіерея, приказавшаго ежедневно служить какія-то молебствія во время вечерни. Народъ собирался въ церквахъ, т. е. въ самыхъ опасныхъ зданіяхъ во время землетрясенія.

Потомъ уже начали устраивать крестные ходы по городу, что конечно было благоразумно во всѣхъ отношеніяхъ, вызывая народъ изъ домовъ на улицу и площади.

Постепенно удары землетрясеній ослаблялись и въ мартѣ уже на нихъ не обращали вниманія.

Во время святокъ, благодаря землетрясеніямъ, отпустили институтокъ по домамъ, и сестра моя Люмаша пріѣхала къ дядѣ и бабушкѣ. Это былъ для всѣхъ насъ большой праздникъ. По заведенному порядку институтокъ не отпускали по домамъ во все время 6-ти лѣтняго курса и онѣ жили тамъ, совершенно не зная своей домашней жизни и выходя изъ института были какими-то странными барышнями, — такъ, что названіе институтки было синонимомъ не развитой, не практичной дѣвушки. Посѣщеніе институтокъ родными происходило подъ особымъ надзоромъ классныхъ дамъ и выходило какъ-то торжественно. Я ходилъ къ сестрѣ въ институтъ почти каждое воскресенье и носилъ отъ бабушки какія-нибудь булочки и конфекты. Институтъ помѣщался тогда въ большомъ деревянномъ домѣ, съ громадными дворомъ и садомъ около Ушаковки на самомъ краю города. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Иркутскѣ институтъ перевели въ хорошій, выстроенный для него, домъ, на берегу Ангары, противъ дома генералъ-губернатора.

Послѣ святокъ занятія въ гимназіи начались позднѣе обычнаго и даже вскорѣ (на масляницѣ), насъ, т. е. 7-й классъ,

совсѣмъ отпустили готовиться къ экзамену. Классныхъ занятій окончательно не было и только были выданы программы. Въ другихъ же классахъ уроки шли по обыкновенному; что была за причина разрѣшить намъ самостоятельно готовиться, я не знаю, но во всякомъ случаѣ нельзя объяснить это тѣмъ, что зданіе пострадало отъ землетрясенія.

Опасаясь за верхній этажъ, давшій трещину, туда перенесли кабинеты и вывели классныя комнаты, которыя размѣстились въ нижнемъ этажѣ. Инспекторъ Михаилъ Ивановичъ Орловъ перешелъ въ сосѣдній домъ, принадлежащій гимназіи, директоръ и надзиратель Кибальчичъ тоже. Пансіонъ, т. е. спальная и комната для занятій были прежнія.

Обычная жизнь въ пансіонѣ начиналась съ $6^1/_2$ часовъ утра, когда раздавался звонокъ. Въ громадной спальнѣ, гдѣ помѣщалось до 70 человѣкъ пансіонеровъ, начиналось движеніе. Вставать было лѣнь, всякій старался улучить еще нѣсколько минутъ для сна, и часто выходили непріятности, когда надзиратель усиленно приказывалъ вставать. Порядокъ существовалъ только при дежурствѣ Кабальчича, у другихъ надзирателей обыкновенно вставаніе воспитанниковъ тянулось долго и иногда съ приключеніями. Я помню, какъ какой-то озорникъ ночью перемѣшалъ сапоги, и утромъ стоило не мало трудовъ разобрать ихъ. Отправляясь въ маленькую комнату, гдѣ были два небольшихъ умывальника, пансіонеры сначала чистили себѣ сапоги какой-то удивительно тусклой ваксой и умывались при помощи нерастворимаго мыла. Затѣмъ, натянули куртки съ красными воротниками и, сунувъ въ рукавъ пестрый платокъ, отправлялись на молитву, которую читалъ одинъ изъ учениковъ а затѣмъ въ столовую пить чай.

Чай заваривался въ самоварѣ и наливался въ небольшія кружки, къ чаю полагалась четверть небольшой пшеничной булки. Послѣ чая въ той же столовой, которая служила и комнатой для занятій, повторяли уроки и около 9 часовъ отправлялись въ классъ; послѣ двухъ уроковъ, продолжавшихся каждый по $1^1/_4$ часа съ промежутками въ $^1/_4$ часа, была большая перемѣна въ $^1/_2$ часа и снова 2 урока, т. ч. вообще уроки кончались въ 3 часа.

Въ большую перемѣну пансіонерамъ давали опять $^1/_4$ пшеничнаго хлѣба или круглые (въ $1^1/_2$ вер. въ діам.), очень твердые хлѣбцы, чаю не полагалось, а воды сколько хочешь.

Тотчасъ же послѣ классовъ обѣдали. Разнообразіе въ кушаньяхъ заключалось въ слѣдующемъ: щи съ кислой капустой или супъ съ разными крупами. Мяса въ этихъ кушаньяхъ не полагалось, а его вынимали, разрѣзывали на ломтики и подавали на второе блюдо, иногда съ капустой, иногда съ тертымъ картофелемъ. 3-е кушанье была каша: или просовая, или ячменная, или гречневая. На каждаго полагалась ложка масла. Вотъ постоянный обѣдъ пансіонеровъ, другого я не ѣдалъ, проживъ въ гимназическомъ пансіонѣ 3 года. Чернаго хлѣба было сколько угодно. Послѣ обѣда до $5^1/_2$ часовъ ученики гуляли въ небольшомъ залѣ, толкотня была порядочная и многіе изъ старшихъ воспитанниковъ ухитрялись подъ разными предлогами отпроситься якобы къ роднымъ или знакомымъ, либо, неотложнымъ дѣламъ. Читать было нечего. Лѣтомъ отпускали въ садъ—гимназ. садъ былъ порядочный.

Послѣ чая, съ 6 часовъ пансіонеры садились за приготовленіе уроковъ. За каждымъ изъ 3-хъ столовъ сидѣло по 20 человѣкъ, а на четвертомъ остальные. На каждыхъ 20 человѣкъ полагалось по 3 сальныхъ свѣчи и 3-е щипцовъ для снятія нагара. За четвертымъ столомъ сидѣлъ надзиратель, наблюдающій за порядкомъ, но не принимающій никакого участія въ занятіяхъ учениковъ.

Всякій занимался какъ ему угодно и взаимной помощи было мало. Старшіе совсѣмъ не помогали младшимъ. Можетъ быть, эта самостоятельность была полезна.

Инспекторъ посѣщалъ пансіонъ очень рѣдко, а директоръ едва-ли бывалъ въ немъ разъ—другой въ годъ.

Въ 8 ч. вечера кончались занятія, и воспитанники уходили погулять въ зало. Черезъ полчаса начинался ужинъ, и въ 9 часовъ всѣ отправлялись на молитву и спать. Ужинъ былъ такой же, какъ обѣдъ, но безъ каши. Было большое счастье захватить ломоть чернаго хлѣба и протащить его въ спальню, гдѣ, на сонъ грядущій, съѣсть.

Костюмъ состоялъ изъ синихъ брюкъ, безъ прорѣза впереди, затягивающихся сзади ремешкомъ, и черной однобортной куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. У своекоштныхъ, вмѣсто куртки, были двухбортные съ мѣдными пуговицами сюртуки,—форма была довольно красивая,—у своекоштныхъ и безобразная у пансіонеровъ.

Особенно она выглядывала неприлично у старшихъ неряшливыхъ воспитанниковъ. Верхнимъ костюмомъ служила шинель синяго сукна со стоячимъ синимъ же во-

ротникомъ, подкладка была фланелевая. Фуражка съ краснымъ околышемъ, безъ всякихъ значковъ. Башлыковъ тогда совсѣмъ не знали, и воспитанники прыгали въ этой шинели и курткѣ безъ галошъ по морозу градусовъ въ 30, (что въ Иркутскѣ не рѣдкость). Частенько знобили носъ и уши, но на это никто не обращалъ вниманія. Для своекоштныхъ форменное верхнее платье было необязательно.

Почти всѣ воспитанники, имѣющіе родныхъ въ городѣ, имѣли и частное платье, на это не обращалось вниманіе начальства.

Бѣлье было довольно хорошаго холста и мѣнялось еженедѣльно.

Жилось въ пансіонѣ не худо, время проходило незамѣтно и недостатки не чувствовались. Всѣ къ нимъ привыкли и считали за невозможное какое-либо улучшеніе, да едва-ли оно и было возможно, когда на содержаніе воспитанниковъ отпускалось по 11 коп. въ день.

Занятія шли довольно успѣшно, шалостей было мало. Мы, считающіеся уже старшими воспитанниками, никогда не слыхали, чтобы ученики гимназіи что-либо напроказили въ городѣ, или можетъ быть это происходило оттого, что начальство не обращало вниманія на нихъ, но вѣдь ученики скорѣй начальства могли знать проступки своихъ товарищей, однако мы ничего не знали. Весьма вѣроятно, что въ тѣ времена жизнь семейная и общественная были иныя и не было повода къ соблазну юношества.

Никакихъ классныхъ наставниковъ, ни квартирныхъ надзирателей, ни обязательныхъ посѣщеній церковныхъ службъ, ни даже классныхъ дневниковъ не было, но я убѣжденъ, что ученики были религіознѣе, благовоспитаннѣе и вели себя несравненно лучше учениковъ конца столѣтія. Семья съ большимъ уваженіемъ относилась къ учебному заведенію, смотрѣла на учителей какъ на лицъ, стоящихъ выше окружающей среды, и я, будучи мальчишкой, никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ старшихъ бранилъ порядокъ гимназіи или учителей. На гимназію смотрѣли какъ на авторитетъ въ дѣлѣ ученія.

Въ тѣ времена воспитаніе не лежало на обязанности учебнаго заведенія, а предоставлялось семьѣ. Наваленная впослѣдствіи Толстымъ обуза воспитанія чрезвычайно усложнила дѣло учебныхъ заведеній и совершенно разстроила добрыя отношенія школы къ семьѣ.

Родители попадали въ какіе-то тиски, съ нихъ требо-

вали еженедѣльной подписи въ журналѣ, т. е. требовали, чтобы они слѣдили за своими дѣтьми, но такъ какъ не всякій родитель можетъ это дѣлать, то во избѣжаніе вызововъ къ класснымъ наставникамъ, точно къ судебному слѣдователю, родители поручали подписывать дневники кому-либо изъ домашнихъ. Какъ только ученикъ получалъ плохую отмѣтку, сейчасъ требованіе помощи родителей; не пришелъ мальчикъ въ классъ, и у семьи некого послать увѣдомить о причинѣ неявки—отправляется помощникъ класснаго наставника на квартиру съ запросомъ: что, какъ и почему. Назначено ходить въ церковь, гдѣ учебное начальство, а родители желаютъ, чтобы дѣти ходили въ свой приходъ — цѣлая исторія, сейчасъ нужно узнать, былъ ли ученикъ дѣйствительно въ церкви. Бѣжитъ мальчишка въ 7 часовъ вечера, а тутъ какъ на смѣхъ вывертывается изъ-за угла надзиратель — куда, зачѣмъ, какъ смѣлъ идти не въ показанное время. У ученика все запрещено. Родители не смѣютъ имѣть даже книгъ, не разрѣшенныхъ въ ученической библіотекѣ.

Сообщилъ **А. Робушъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. Н. Виноградскаго [1]).

Бѣда, если ярый инспекторъ увидитъ у отца не показанный томъ Бѣлинскаго, а тѣмъ паче Дарвина или Бокля. Потребуется заказать для этихъ книгъ особый шкафъ съ замкомъ, чтобы какъ-нибудь ученики не посмотрѣли заглавіе и не узнали имя зловреднаго человѣка.

Инспекція учебнаго заведенія (по Толстому) должна знать, сколько куб. фут. воздуха въ домѣ отца ученика, чѣмъ его кормятъ, кто знакомъ и кто сосѣди, ну, словомъ, родитель ученика попадаетъ подъ надзоръ инспекціи и она знаетъ, гдѣ кто изъ родителей бываетъ и кто посѣщаетъ ихъ. Конечно всѣ эти предписанія Толстого съ компаніей не исполняются, но вѣдь находятся люди, которые ими пользуются, чтобы выказать свою энергію передъ начальствомъ. Эти-то люди и портятъ отношенія семьи и школы.

Съ момента поступленія ребенокъ уже слышитъ дома о непріятностяхъ съ школьнымъ начальствомъ, о стѣсненіи свободы воспитанія своихъ дѣтей, какую-то зависимость семьи отъ циркуляровъ школьнаго начальства—и вотъ начинается рядъ обмановъ какъ со стороны родителей, такъ и дѣтей. Школа и семья это два враждебныхъ лагеря. Дѣти теряютъ всякое уваженіе къ школѣ, а болѣе состоятельные родители, желая только отдѣлаться отъ требованій школы, нанимаютъ репетиторовъ, сваливая на нихъ всѣ сношенія съ школой и считая для себя унизительнымъ под-

[1]) См. „Русскую Старину", сентябрь 1916 г.

чиняться школьнымъ требованіямъ, которые большинство не признаетъ педагогическими.

Появленіе репетиторовъ—это одна изъ язвъ, внесенныхъ графомъ Толстымъ въ жизнь школы, репетиторовъ, подготовленныхъ къ своему дѣлу, нѣтъ, въ репетиторы попадаютъ неимѣющіе мѣста недоучившіеся студенты, исключенные гимназисты, а пожалуй еще засидѣвшіяся въ дѣвицахъ—барышни. Начальство опять тутъ должно вступиться и рекомендовать своего репетитора,—котораго впрочемъ обыкновенно не знаетъ, но вѣдь большинство репетиторовъ якобы родственники и только помогаютъ уяснять не вполнѣ понятное ученику. На самомъ же дѣлѣ репетиторъ напишетъ сочиненіе, сдѣлаетъ, если сможетъ, задачу, подыщетъ по лексикончику слова и пр. и пр. Мальчикъ пріучается дѣлать все на помочахъ. самостоятельности никакой, но отмѣтки порядочныя, начальство молчитъ, родители довольны. Передъ экзаменомъ появляется свидѣтельство о переутомленіи—значитъ, переведенъ безъ экзамена, такъ разъ или два и наконецъ, къ удивленію, полное незнаніе всего пройденнаго—ахъ и охъ. Школа бранитъ родителей, а родители школу. Мальчикъ выходилъ изъ учебнаго заведенія по домашнимъ обстоятельствамъ. Куда онъ потомъ поступитъ, это его дѣло.

Выпускные экзамены начались въ маѣ и тянулись очень долго, кажется, до 20 чиселъ іюня. Я припоминаю, какую массу билетовъ приходилось брать на экзаменахъ, и удивляюсь, какъ мы всѣ могли втолкать себѣ въ головы такое количество свѣдѣній. По закону Божію мы отвѣчали по отдѣльнымъ билетамъ: изъ ветхаго завѣта, новаго завѣта, богослуженія, катихизиса, истор. церкви, ист. рус. церкви, т. е. на 6 вопросовъ—и, нужно сказать, отвѣчали хорошо и если можетъ быть не вполнѣ понимали связь событій, за то знали множество фактовъ. По русскому языку—изъ грамматики, теоріи прозы и поэзіи, исторіи всеобщей литературы и исторіи русс. литературы. Изъ математики—письменныхъ работъ не было и экзаменовали по ариѳм., алгебрѣ Тихомандринскаго, геометріи Буссе, тригонометріи. Космографію и физическую географію знали всѣ очень хорошо. Въ исторіи экзаменовались какъ изъ отдѣльныхъ предметовъ по древней, средней, новой (Смарагдову) и по русской исторіи (по Иловайскому). География отдѣльно общая и русская. Ест. исторіи—по предметамъ: зоологія, ботаника, минералогія, физіологія. Физика про-

ходилась по Ленцу—это была довольно толстая книга, устарѣвшая даже для того времени. Изъ языковъ сдавали латинскій, французскій и нѣмецкій,—это были самые плохіе для многихъ предметы, и начальство мало обращало на нихъ вниманія.

Къ экзаменамъ готовились очень старательно и, заранѣе раздѣливши между собою предметы, каждый долженъ былъ изучить его до тонкостей и давать товарищамъ всѣ объясненія. На мою долю выпала математика, и я приготовился изъ нея очень хорошо, космографію я зналъ основательно, физическую географію тоже, но языки были для меня камнемъ преткновенія, и товарищи снабдили меня всякими подстрочными переводами, а стихи—я вызубрилъ, не понимая.

Экзамены сошли очень хорошо и только, какъ я уже упоминалъ, я провалился на латинскомъ языкѣ, но благодаря добродушію начальства не погибъ.

Мы настолько надѣялись на свои знанія, что нисколько не смутились, какъ однажды, уже по окончаніи экзамена по математикѣ, мы, забравшись въ какой-то пустой классъ и снявъ куртки, спокойно пили чаекъ, какъ вдругъ влетаетъ надзиратель съ просьбой идти снова на экзаменъ, по случаю пріѣзда какого-то морского генерала, желавшаго присутствовать на экзаменѣ, но опоздавшаго. Конечно, мы, какъ уже покончившіе съ этимъ экзаменомъ, имѣли полное право отказаться идти вновь на экзаменъ, но это казалось намъ неприличнымъ, и сейчасъ же трое изъ насъ, натянувъ куртки, явились передъ генераломъ, около котораго былъ чуть не весь педагогическій совѣтъ гимназіи. Генералъ оказался человѣкомъ знающимъ и экзаменовалъ весьма подробно и основательно. Его, кажется, поразило мое знаніе космографіи и онъ очень любезно совѣтовалъ мнѣ сдѣлаться спеціалистомъ по астрономіи. Можетъ быть, экзаменъ повліялъ на начальство гимназіи, и оно сдѣлало мнѣ послабленіе по латинскому языку и хотя я изъ-за латинскаго языка лишился медали, но все-таки былъ зачисленъ сибирскимъ стипендіатомъ въ Казанскій университетъ.

Во время нашихъ экзаменовъ, почти уже въ концѣ ихъ, случилось происшествіе, отчасти характеризующее школьную жизнь того времени. Дѣло въ томъ, что нашъ инспекторъ Михаилъ Ивановъ Орловъ не имѣлъ никакого вліянія на учениковъ и не пользовался ихъ уваженіемъ

почему-то его просто звали Михайло, Пехило, Пехтерь и сокращенно Пёхъ. Понятно, что старшіе ученики не обращали на него никакого вниманія, да и онъ плохо наблюдалъ за ними. Одинъ изъ нашихъ товарищей Крымскій Димитрій, извѣстный между товарищами подъ именемъ Митиньки, былъ отличнымъ ученикомъ, но страшный неряха и очень нервный. Частенько товарищи подсмѣивались надъ нимъ, и это приводило его просто въ бѣшенство. Однако онъ легко поддавался вліянію своего пріятеля, ученика 6-го кл. Ѳомина, юноши уже великовозрастнаго и дѣйствующаго на Митиньку самымъ скверным образомъ. Пользуясь привилегіей хорошаго ученика, Митинька выпросилъ дозволеніе заниматься отдѣльно отъ другихъ товарищей и поселился въ одномъ изъ пустыхъ классовъ верхняго этажа гимназіи. Къ нему, уже безъ всякаго разрѣшенія,—перебрался на житье Ѳомина и началъ пріучать Митиньку курить и выпивать. Однажды, они кутнули такъ сильно, что забыли все и ночью, гуляя по пустому верхнему корридору, выдумали пробовать силу, которой особенно хвастался Ѳомина, силу пробовали на дверяхъ и окнахъ, результатомъ оказалось разбитіе стеколъ, поломка дверей, перилъ у лѣстницъ и пр.

Утромъ надзиратель нашелъ ихъ безъ чувствъ пьяныхъ спящими на полу. Конечно, поднялась цѣлая исторія, 7-й классъ отправилъ отъ себя депутацію къ директору, ходатайствуя за Митиньку, и наше ходатайство помогло: —Ѳомина былъ исключенъ изъ гимназіи, а Митинька окончилъ прекрасно курсъ, но былъ лишенъ золотой медали, которую онъ заслужилъ своими успѣхами. Его отправили, на казенный счетъ, въ Московскій университетъ, гдѣ онъ дошелъ до 2-го курса и умеръ отъ тифа.

Въ 7 классѣ я уже занимался уроками, обучая маленькихъ ребятъ, и немного заработалъ себѣ на платье. Дядя не имѣлъ средствъ помочь мнѣ, и потому все пришлось заводить самому. Намъ, отъѣзжающимъ въ университетъ, выдали пособіе по 15 руб. и только. Ни книгъ, ни платья, ни бѣлья мы не получили. Дядя далъ мнѣ еще старое синее сукно, вывезенное имъ въ 30 годахъ изъ Питера и уже отслужившее свой вѣкъ, это сукно и послужило мнѣ для фланелевой шинели, которую можно было носить зимой и лѣтомъ. Бабушка сильно хлопотала и елико возможно сшила мнѣ кое-что изъ бѣлья и снарядила меня въ дальную сторону. Дядя далъ на дорогу 15 руб. мелкимъ

серебромъ. Наконецъ насталъ день отъѣзда. Насъ ѣхало 5 человѣкъ кончившихъ курсъ: я, Горяевъ, Осликовскій, Павлиновъ, Крымскій, провожатымъ былъ учитель Кибальчичъ. Кибальчичъ ѣхалъ съ какими-то двумя купцами, которые везли его даромъ, пользуясь казенной подорожной, у нихъ былъ прекрасный большой тараптасъ, на козлы садили иногда кого-нибудь изъ насъ, что составляло большую выгоду. Мы ѣхали, имѣя каждый прогоны на одну лошадь, а все на пятерку, такъ какъ расходы на кормежку въ дорогѣ порядочны, да кромѣ того, нужно было давать ямщикамъ на водку, платить за перевозъ, за номеръ въ городскихъ гостинницахъ и пр. и пр., то чтобы какъ нибудь вывернуться, мы ѣхали въ одномъ экипажѣ, платя только за тройку лошадей и сидя конечно почти другъ на другѣ. Перекладныя почтовыя повозки, а иногда простая крестьянская телѣга, конечно, не особенно удобные экипажи, однако молодость все выносила, и мы день и ночь ѣхали, ѣхали и ѣхали.

Назначеніе одного изъ учителей въ провожатые считалось хорошей командировкой, т. к. учитель получалъ прогоны впередъ и назадъ и кромѣ того пособіе. Онъ имѣлъ при томъ казенную подорожную, въ которой прописывалось, чтобы ему давали безъ задержки лошадей, и что онъ ѣдетъ съ двумя будущими, эта подорожная была привилегія чиновниковъ, а частные люди должны были платить деньги за нее и кромѣ того на каждой станціи имъ приходилось сидѣть по нѣсколько часовъ, т. к. проѣзжающіе съ казенной подорожной имѣли право забирать лошадей.

Мы сильно торопились ѣхать и въ Томскѣ у мачихи я пробылъ только нѣсколько часовъ: чтобы сократить путь и избѣжать лишнихъ расходовъ, рѣшено было отъ Канска ѣхать прямо на Тюкалинскъ на такъ называемыхъ дружкахъ.

Дружками назывались ямщики, не состоящіе при почтовыхъ станціяхъ, они возили нѣсколько подешевле, такъ за тройку брали съ версты 3 коп. и везли прекрасно, у многихъ изъ нихъ были хорошіе экипажи. Обыкновенно около Канска являлся мужичекъ, который и уговаривался въ цѣнѣ и отвозилъ къ своему пріятелю (дружку), который сейчасъ же запрягалъ лошадей и везъ къ своему пріятелю, и т. д.

Ѣхать на дружкахъ хорошо, но нужно быть осторожными, иногда можно попасть на недобросовѣстныхъ людей

и если ѣхать не большимъ трактомъ на Омскъ, а прямой дорогой на Тюкалинскъ, то вдали отъ казенныхъ станцій дружки начинаютъ набавлять цѣну за проѣздъ и, какъ мнѣ случилось впослѣдствіи видѣть, просто обдираютъ проѣзжающаго, который попадается имъ, особенно доставалось, говорятъ, курьерамъ, желающимъ сократить путь и сохранить прогоны и потому рѣшающимся своротить съ большой дороги и ѣхать на дружкахъ по прямому тракту. Лучше было пользоваться дружками, не сворачивая съ казеннаго тракта и требуя, чтобы дружки довозили до того селенія, гдѣ казенная станція, тогда нѣтъ опасности попасть имъ въ лапы.

Мы однако проѣхали на дружкахъ благополучно и даже сохранили немного деньжонокъ, платя подешевле.

Изъ дорожныхъ воспоминаній нельзя не упомянуть о нашихъ проводахъ въ Иркутскѣ. По Московскому тракту въ 4-хъ вер. отъ Иркутска есть Вознесенскій Монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи Св. Иннокентія Иркутскаго Чудотворца. Мощи святителя чтутся жителями Иркутска, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни каждый считаетъ своею обязанностію помолиться у раки святителя. Я помню, какъ насъ, маленькихъ, водили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ, и для насъ, ребятъ, это было цѣлое путешествіе. Будучи гимназистами мы ходили молиться передъ началомъ ученія и передъ экзаменами. Кажется, заведенъ обычай, что каждый отъѣзжающій долженъ служить молебенъ въ монастырѣ. Конечно, поѣздка въ университетъ за 5 тысячъ верстъ отъ родины, была для насъ важнымъ моментомъ жизни, и вотъ въ монастырь собрались родные отъѣзжающихъ учениковъ, учителя и начальство гимназіи. Отслужили напутственный молебенъ, выпили чаю и по рюмочкѣ какой-то наливки, поплакали и получили благословеніе какъ отъ родныхъ, такъ и отъ добраго нашего директора, и наконецъ тронулись въ путь.

Хотя мы ѣхали цѣлый мѣсяцъ—день и ночь, но дорога прошла какъ-то незамѣтно, разнообразіе впечатлѣній, новость положенія и постоянная забота о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до ближайшей станціи, гдѣ можно хоть нѣсколько минутъ походить или полежать спокойно и опять собираться въ перекладной повозкѣ, трястись до слѣдующей станціи, все это убивало незамѣтно время. Изъ дорожныхъ впечатлѣній помню переправы черезъ наши Сибирскія гигантскія рѣки Енисей, Обь, Иртышъ. Помню, какъ, подъ-

ѣзжая къ Тюкалинску, мы въ 1-й разъ увидѣли телеграфные столбы, о существованіи которыхъ знали только изъ книжекъ, но представляли ихъ совсѣмъ не такими, какіе они есть, а скорѣе въ родѣ верстовыхъ столбовъ, такъ что, увидѣвъ столбы, спросили ямщика, что это за штука.

Отъ Екатеринбурга до Перми тоже была превосходная дорога, и мы ѣхали прекрасно, любуясь видами Урала. Надо замѣтить, что вообще дорога по Сибири была прекрасная, особенно въ Енисейской губерніи, гдѣ ее устраивалъ знаменитый исправникъ Лоскутовъ, про котораго существуетъ масса разсказовъ, какъ про человѣка обирающаго и грабящаго народъ. Только Сперанскій убралъ его и отдалъ подъ судъ.

Въ Перми пришлось прождать дня два, дожидаясь парохода. Жили въ какой-то маленькой гостинницѣ и ходили осматривать городъ. Въ одну изъ прогулокъ купили по апельсину, которые увидѣли въ первый разъ въ жизни и, вообразивъ, что ихъ можно ѣсть какъ яблоки (яблоки мы видали и ѣдали), начали откусывать кусочки прямо съ кожурой. Вышло очень невкусно, и апельсины были выброшены. Я только черезъ годъ узналъ, что апельсины нужно чистить.

Какъ это ни странно, но объясняется очень просто. Въ Сибири яблоки не растутъ, а привозныя дороги, апельсины тѣмъ болѣе и могутъ быть извѣстны только богатымъ. Черныя и красныя китайскія яблоки привозятся въ Иркутскъ изъ Китая зимой мерзлыми и чтобы ихъ ѣсть нужно оттаять въ водѣ. Яблоки эти довольно вкусны и—кисленькія. Изъ нихъ, кажется, дѣлаютъ черную китайскую пастилу, которую смѣшиваютъ съ ядрами орѣха и сверху посыпаютъ мукой.

Въ Сибири, въ Иркутскѣ и въ Читѣ есть особый сортъ яблони—это довольно большое дерево, достигающее 4—5 саженъ высоты и приносящее плоды, называемые въ Сибири яблопью, плоды являются кисточкой на длинныхъ стебелькахъ штукъ по 5—10 и состоятъ изъ шарообразныхъ яблочковъ величиною въ ягоду, напримѣръ рябины или смородины. Плоды снимаютъ обыкновенно осенью уже послѣ перваго мороза и маринуютъ для салата. Вкусъ ягодъ кислый, довольно пріятный. Деревья растутъ только въ садахъ, на волѣ—въ лѣсахъ, кажется, нѣтъ яблочныхъ деревьевъ. Въ Томскѣ въ мое время не знали о существованіи яблони.

Отмѣчу слѣдующій фактъ: въ Томскѣ были черные тараканы, были и обыкновенные красные, а въ Иркутскѣ о черныхъ тараканахъ не имѣли понятія и, увидѣвшіе ихъ, по пріѣздѣ въ Томскъ, боялись. Красные же были обычными жителями.

Въ Иркутскѣ и Томскѣ совсѣмъ не было раковъ, и моему отцу, жившему въ Томскѣ, какъ рѣдкость привозили зимой мороженыхъ раковъ изъ Тюмени, гдѣ, говорили тогда, раки появились недавно.

Интересно знать, какъ теперь распространились раки въ глубь Сибири, да и объ черныхъ тараканахъ тоже не мѣшаетъ разузнать.

Наконецъ наше путешествіе завершилось переѣздомъ на пароходѣ отъ Перми до Казани. Ѣхали конечно въ 3 кл., на некрытой палубѣ и питались, по большей части, чаемъ да хлѣбомъ, купленнымъ на пристани. О буфетѣ пароходномъ даже не мечтали.

Но вотъ, наконецъ, матушка Волга, на которую мы смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ, а вотъ и татарская столица Казань. Пріѣхали мы 28 или 29 іюля, въ день проводъ Семиозерной иконы Божіей Матери, и хотя мы не видали церемоніи, но на Проломной улицѣ, гдѣ мы остановились въ гостин. Жарова, было большое движеніе народа, просто поразившее насъ; самый городъ казался намъ и большимъ, и богатымъ, и благоустроеннымъ, сравнительно конечно съ тѣмъ, что мы видѣли до сихъ поръ въ своей жизни.

Отыскали студентовъ иркутянъ и начали совѣтоваться, какъ намъ устроиться. Брата Н. Никол. въ городѣ не было, онъ уѣхалъ въ Уфимскую губернію на кумысъ. Студенты совѣтовали Кибальчичу (учителю, провожавшему насъ) оставить насъ на произволъ судьбы и говорили, что до половины августа мы не найдемъ никакого начальства въ университетѣ. Кибальчичъ однако не согласился и повезъ насъ къ ректору Осокину, проф. финансоваго права; его однако въ городѣ не оказалось, и намъ сказали, что дѣлами завѣдуетъ проф. богословія Владимірскій. Отправились къ Владимірскому и очень удивили его своимъ нашествіемъ. Онъ видимо не зналъ, что съ нами дѣлать, и, спрашивая каждаго, на какой факультетъ желаетъ поступить, обратился съ этимъ вопросомъ и къ Кибальчичу, мы не выдержали и засмѣялись. Владимірскій посовѣтовалъ намъ дождаться пріѣзда ректора и за всѣми справками обратиться къ нему, а Ки-

бальчичу, какъ не поступающему въ университетъ, уѣзжать. Такъ и сдѣлали. Кибальчичъ уѣхалъ на другой же день, а мы разбрелись по квартирамъ. Я и Горяевъ поселились въ квартирѣ студента 4-го курса И. Я. Орлова, сына священника изъ Кяхты или Троицкосавска. Онъ занималъ домикъ въ Профессорскомъ переулкѣ, въ Старо-Горшечной улицѣ. Орловъ получалъ порядочную стипендію отъ какой-то Княжинской купчихи, вышедшей впослѣдствіи замужъ за доктора Образцова. Жилъ онъ въ чердачкѣ семейно и имѣлъ дочку. Это былъ очень энергичный студентъ и имѣлъ въ студенческихъ кружкахъ большое вліяніе. О его судьбѣ скажу послѣ.

Вскорѣ пріѣхалъ братъ, уже кончившій курсъ, но еще не написавшій кандидатской диссертаціи. У брата, какъ оказалось, нѣтъ ничего, ни бѣлья, ни платья и никакихъ вообще вещей. Такое положеніе впрочемъ у него сохранилось всю его жизнь. Онъ вообще человѣкъ не отъ міра сего и, проживъ холостякомъ до старости, онъ остался такимъ же растеряхой и неряхой, какимъ былъ и въ молодости.

Сообщила **А. Робушъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авторъ записокъ Владиміръ Николаевичъ Виноградскій (Астрахань † 14 января 1900 г.), былъ директоромъ реальныхъ училищъ Екатеринбургскаго и Астраханскаго, директоромъ Вятскаго земскаго училища и Астраханской Маріинской гимназіи.

Его перу принадлежали многія статьи по астрономіи и физической географіи.

Онъ отличался особымъ талантомъ въ организаціи ученыхъ обществъ и умѣньемъ сдѣлать ихъ жизненными.

В. Н. былъ выдающійся педагогъ, рѣдкій общественный дѣятель, и человѣкъ самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ.

Трудъ и любовь ко всѣмъ были девизомъ всей его жизни.

Ред.